40,5

Графу Сергѣю Дмитріевичу Шереметеву на добрую память

19 16/11 0

Н. В. Муравьевъ.

ПОСЛѢДНІЯ РѢЧИ.

1900—1902 г.г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1903.

Напечатано по распоряженію Г. Министра Юстиціи.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
6 39
37

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Января 1903 года.

Посвящается

сыну моему

Валеріану Муравьеву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отмѣна и ограниченіе ссылки	7
Тюремный трудъ	38
Пересмотръ Судебныхъ Уставовъ	50
Красный Крестъ.	112
Международный Союзъ Уголовнаго Права . . .	123

ОТМѢНА И ОГРАНИЧЕНІЕ ССЫЛКИ *).

Уже одно оффиціальное заглавіе нынѣшняго дѣла указываетъ на его огромное, обще-государственное и притомъ жгучее, животрепещущее значеніе. Полная или даже частичная отмѣна ссылки, существующей у насъ болѣе двухъ столѣтій, составляетъ вопросъ столь важный, сложный и многообразный, что приступать къ нему слѣдуетъ лишь съ твердою увѣренностью въ возможности, въ необходимости и въ своевременности его безотлагательнаго разрѣшенія. Глубоко въ этомъ убѣжденный, я не буду затруднять вниманія Государственнаго Совѣта повтореніемъ того, что содержится въ представленныхъ мною обширныхъ матеріалахъ. Они громко и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ

*) Объясненія въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта, 24 Апрѣля 1900 г., при разсмотрѣніи представленія М—ства Юстиціи объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки.

сами о себѣ. и въ видахъ всесторонняго освѣщенія предмета. я могу ограничиться только нѣкоторыми дополнительными данными, да краткимъ перечнемъ главнѣйшихъ общихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ тщательное изученіе ссылки, какъ юридическаго института и соціальнаго явленія. Изъ подавляющей массы относящихся сюда фактовъ, доводовъ и соображеній нынѣ вновь возникаетъ поддерживающая насъ надежда, что близокъ часъ, когда законодатель скажетъ о русской ссылкѣ свое, если не послѣднее, то, во всякомъ случаѣ, рѣшающее слово и она, отслуживъ свою историческую службу, тихо отойдетъ въ прошедшее.

Говоря о ссылкѣ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ ссылку въ каторжныя работы съ послѣдующимъ за ними поселеніемъ и разумѣемъ только ссылку въ ея чистомъ видѣ, т. е. судебную, на поселеніе въ Сибири и на житье, и административную, по приговорамъ обществъ. Ссылка въ каторгу и просто ссылка тѣсно между собою связаны многими общими чертами, но по размѣрамъ, характеру и способу отбыванія— это все-таки два различныхъ карательныхъ учрежденія, которыя нужно обсуждать отдѣльно, хотя, конечно, установившійся взглядъ на одно

изъ нихъ не можетъ не отразиться въ извѣстной степени и на другомъ. И до каторги, этого тягчайшаго изъ общихъ наказаній нашей лѣстницы, Богъ дастъ, скоро дойдетъ очередь въ трудахъ, предпринятыхъ по личной Монаршей волѣ,—теперь же нужно сосредоточиться собственно на простой, не усугубленной ссылкѣ, т. е. на той количественно и качественно крупнѣйшей мѣрѣ, которая силою закона изъ года въ годъ перебрасываетъ тысячи людей изъ однѣхъ мѣстностей Россіи въ другія.

Едва ли есть иное, кромѣ ссылки, учрежденіе, по отношенію къ которому такъ рѣзко расходились бы мнѣнія и опытъ, теорія и практика, исторія и современность. У ссылки есть убѣжденные сторонники и противники, а между ними стоятъ, колеблясь, нерѣшительные и боязливые. Съ отвлеченной, теоретической точки зрѣнія, внѣ времени и пространства, казалось бы, что можетъ быть естественнѣе и понятнѣе ссылки въ смыслѣ легчайшаго способа внутренней общественной самообороны? Преступный или порочный человѣкъ принудительно удаляется въ далекій край и въ этомъ насильственномъ отрѣшеніи отъ прежней жизни несетъ тяжкую или чувствительную кару. А на новомъ мѣстѣ, по-

ставленный въ условія суровыя, въ стѣсненное положеніе ограниченной свободы передвиженія, онъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ—перестаетъ быть вреднымъ или опаснымъ для коренной своей среды, за то, будто бы, можетъ исправиться. возродиться къ лучшему существованію. Сюда же присоединяется стремленіе къ колонизаціоннымъ цѣлямъ, заманчивая задача заселенія пустынныхъ мѣстностей, нуждающихся въ работѣ и работникахъ, хотя бы и подневольныхъ. Правда, на это въ тѣхъ же теоретическихъ сужденіяхъ слышатся теоретическія же возраженія, что ссылка и сама по себѣ не способна вполнѣ достигнуть своего карательнаго и предупредительнаго назначенія; что она *неравномѣрна* по крайнему разнообразію ея вліянія въ зависимости отъ личныхъ свойствъ ссылаемаго; что она *трудно дѣлима* по степени и особенностямъ вины; что она по самой природѣ своей *противорѣчитъ срочности*, какъ одному изъ главныхъ основаній наказанія, не допускающему вѣчнаго возмездія. Но, какъ бы то ни было, теорія долго стояла и теперь еще стоитъ за ссылку въ лицѣ немногихъ, но авторитетныхъ своихъ представителей. Не таковы, однако же, настойчивыя указанія опытной

дѣйствительности; совсѣмъ иное гласитъ убѣдительный голосъ практики всѣхъ культурныхъ странъ и цивилизованныхъ народовъ міра, въ томъ числѣ и нашего отечества. Отъ соприкосновенія съ жизнью исчезаютъ всѣ иллюзіи, вся идеализація ссылки, и вмѣстѣ съ разочарованіемъ остаются лишь ея губительные, плачевные или, по меньшей мѣрѣ, болѣе чѣмъ сомнительные результаты. Повсюду ссылку постигла болѣе или менѣе полная неудача, болѣе или менѣе быстрое крушеніе, повсюду она не достигла своихъ цѣлей, не осуществила почти ни одной изъ намѣченныхъ для нея задачъ. Будущаго, возможнаго преступника она не устрашила и не удержала отъ преступленія. ссылаемаго она не исправила и не возродила, метрополію не избавила отъ опасности его возвращенія, а для ссылочной территоріи явилась непосильнымъ бременемъ и растлѣвающей порчей. Ссыльная колонизація не удалась нигдѣ. Вездѣ ссылка покупалась слишкомъ дорогой цѣной даже сравнительно съ ея предположительными, призрачными выгодами. Поэтому, изъ государствъ, ее испробовавшихъ, одни совершенно отъ нея отказались, другія же находятся въ переходномъ состояніи сомнѣнія и колебаній,

все болѣе и болѣе накапливая отрицальные итоги. Смотря на это зрѣлище, страны, еще свободныя отъ ссылки, сознательно отъ нея воздерживаются и тѣмъ показываютъ, что не ей принадлежитъ будущее. Вообще, въ историческомъ развитіи вопроса о ссылкѣ нельзя не отмѣтить того несомнѣннаго факта, что она широко практикуется при двоякихъ условіяхъ: *или* при господствѣ сравнительно грубыхъ и первобытныхъ понятій о репрессіи, *или же* при умозрительныхъ представленіяхъ объ этой карѣ не въ томъ видѣ, какъ она практически слагается, а въ томъ, какъ ее себѣ воображаютъ кабинетные мыслители и систематики. Но какъ только въ сознаніи и на опытѣ человѣчества вырабатывается болѣе тонкое, справедливое и цѣлесообразное воздѣйствіе на преступность и порочность, какъ только борьба съ ними получаетъ постановку, болѣе соотвѣтствующую сложнымъ потребностямъ современнаго общежитія, ссылка отходитъ на задній планъ, сокращается, блѣднѣетъ и наконецъ уступаетъ мѣсто различнымъ видамъ раціональнаго лишенія свободы. Ссылаютъ, пока ничего другаго, лучшаго, придумать еще не могутъ, или пока вѣрятъ во всемогущество изгнанія; перестаютъ ссылать,

когда убѣждаются, что ссылка, говоря сказанными около 100 лѣтъ тому назадъ словами Бентама, «*не уничтожаетъ зла, а только переноситъ его на другое мѣсто*».

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на европейскій Западъ, то увидимъ, что ссылку уже отвергли всѣ народы англо-саксонской и германской расы, и что она еще держится, хотя и слабо, только въ романскихъ странахъ. *Въ Англіи*, на Лондонскомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ 1872 г., было впервые произнесено ей гласное осужденіе, и съ 50-хъ же годовъ постепенно прекратилась австралійская ссылка—послѣдній остатокъ этой кары. Нынѣ, только туземцы Индіи ссылаются за самыя тяжкія преступленія на Андаманскіе острова, и, за этимъ незначительнымъ исключеніемъ, можно сказать, что Британская Имперія вовсе не знаетъ ссылки. *Въ Голландіи и Бельгіи* извѣстные тюрьмовѣды Польсъ и Прень успѣшно подорвали своими трудами и усиліями самый принципъ ссылки и въ наукѣ, и въ законодательствѣ. *Въ Швеціи*, Монархъ которой Король Оскаръ I въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «*О наказаніи и тюрьмахъ*» является однимъ изъ сильнѣйшихъ оппонен-

товъ ссылки. Стокгольмскій тюремный конгрессъ 1878 г. категорически призналъ, что «наказаніе ссылкой представляетъ такія трудности, которыя не позволяютъ ввести его съ надеждой на достиженіе цѣлей правосудія»,—и скандинавскія государства вовсе не допустили у себя этой кары. *Въ Германіи и Австріи* ссылки не было, нѣтъ понынѣ и, по всей вѣроятности, не будетъ впредь. Не смотря на талантливую апологію ея въ трудѣ извѣстнаго профессора Гольцендорфа и въ послѣднее время въ книгѣ профессора Брука, правительство, огромное большинство ученыхъ и общественное мнѣніе рѣшительно высказываются противъ этой мѣры, почему и начальникъ Прусскихъ предварительныхъ тюремъ Старке имѣлъ основаніе заявить на послѣднемъ Парижскомъ тюремномъ конгрессѣ 1895 г., что «хотя Германія теперь и владѣетъ колоніями, но предпочитаетъ заселять ихъ свободными переселенцами, а не ссыльными». Еще недавно Германскій Рейхстагъ безъ голосованія принялъ къ свѣдѣнію докладъ статсъ секретаря Нибердинга о невозможности замѣнить ссылкой заключеніе въ смирительныхъ или исправительныхъ домахъ (Zuchthaus). Иначе обставлено дѣло у латинской расы, которая вообще болѣе туго под-

дается побѣдѣ практическаго разума надъ рутиной и доктринерскими построеніями. Но и тутъ, въ 1897 г., даже маленькая *Португалія* на половину сократила свою ссылку и сохранила лишь депортацію не болѣе 200 человѣкъ въ колонію Анголу, въ южной Африкѣ. *Въ Испаніи*, кромѣ каторги на Марокскомъ побережьи, существуетъ въ небольшихъ размѣрахъ для исключительныхъ и политическихъ преступленій ссылка и поселеніе на Балеарскихъ и Канарскихъ островахъ. *Италія*, единственная изъ западно-европейскихъ государствъ, практикуетъ, по законамъ 1863 и 1871 г.г., административную высылку порочныхъ людей, такъ называемое «domicilio coatto», на мелкіе острова въ Средиземномъ морѣ, гдѣ содержится до 1,500 человѣкъ, возбуждая общее неудовольствіе крайнею трудностью надзора и недостижимостью исправленія. Въ 1898 г. сдѣлана была попытка устроить ссыльную колонію въ Эритреѣ, на Красномъ морѣ, но это предпріятіе потерпѣло полную неудачу и скоро было оставлено. Что же касается до настоящей судебной ссылки, то, при всѣхъ стараніяхъ энергическаго ея поборника графа ди Фореста, государственные люди Италіи и въ особенности Бельтрани-Скалія и сенаторъ Канонико успѣшно

отстояли свое отечество отъ введенія этого вида ссылки. Наконецъ, *во Франціи* еще дѣйствуетъ правильно организованная ссылка и поселеніе въ различныхъ видахъ (déportation, transportation и relégation) въ Гвіянѣ, гдѣ она получила, вслѣдствіе убійственнаго климата, зловѣщее названіе «guillotine sèche», и въ Новой Каледоніи. Французскіе сторонники ссылки, съ профессоромъ Левелье и членомъ кассаціоннаго суда Птп во главѣ, упорно доказываютъ ея необходимость и даже успѣли большинствомъ голосовъ провести благопріятную для нея, хотя и условную, резолюцію на послѣднемъ Парижскомъ тюремномъ конгрессѣ. Но и во Франціи множество компетентныхъ лицъ уже извѣрилось въ практическую пригодность ссылки и приходитъ къ заключенію, что ея внѣшній, оффиціальный обликъ вовсе не отвѣчаетъ истинному содержанію, въ которомъ строгая наружная и механическая регламентація прикрываетъ полнѣйшее внутреннее разложеніе. Такъ думаютъ такіе почтенные дѣятели и знатоки дѣла, какъ, напр., сенаторъ Беранже, знаменитый иниціаторъ закона объ условномъ осужденіи;—то же со словъ знатоковъ дѣла и по личному наблюденію удостовѣряетъ въ интересномъ своемъ

отчетѣ нашъ извѣстный тюрьмовѣдъ Д. А. Дриль, который въ 1896 году собиралъ на мѣстѣ подробныя свѣдѣнія о французской и русской ссылкѣ. Въ общемъ выводѣ, ссылка на Западѣ, невзирая на нѣкоторую искусственную поддержку, видимо доживаетъ свои дни. Но даже и тамъ, гдѣ она еще существуетъ, это вовсе не та чистая ссылка въ нашемъ смыслѣ, отмѣна которой нынѣ предполагается; это собственно наказаніе, соотвѣтствующее нашей ссылкѣ въ каторжныя работы, которая вѣроятно будетъ во всякомъ случаѣ сохранена и у насъ, при всѣхъ необходимыхъ ея преобразованіяхъ.

Обращаясь къ русской ссылкѣ, я уже какъ бы слышу замѣчанія: намъ Западъ не указъ, наши условія совсѣмъ иныя и нигдѣ на Западѣ не было и нѣтъ такихъ удобствъ для ссылки, какими издавна располагаетъ Россія въ отдаленныхъ, необъятныхъ и пустынныхъ пространствахъ Сибири. Но исторія даетъ на это категорическій, внушительный отвѣтъ не въ пользу и нашей ссылки. Съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ XVI вѣка Московское государство стало примѣнять ее, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ заселенія восточныхъ окраинъ, вѣковыя судьбы ссылки рисуютъ одну картину

непрестанныхъ перемѣнъ и колебаній, настойчивыхъ, но всюду неудачныхъ попытокъ, громадныхъ, но всегда непроизводительныхъ затратъ, и, въ общемъ, представляютъ рядъ несбывшихся надеждъ и неблагопріятныхъ выводовъ. Сначала всячески берегли нужное для колонизаціи ссыльное населеніе Сибири и даже мирволили ему; затѣмъ пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ тяжелымъ опытамъ принудительнаго казеннаго поселенія, которые повторялись въ теченіе цѣлаго столѣтія, съ половины XVIII и до конца XIX вѣка, и всѣ окончились полнымъ разстройствомъ, оставивъ по себѣ мрачную память не только жестокости и злоупотребленій—достаточно вспомнить имена Трескина и Лоскутова,—но и очевидной, роковой невыполнимости. Въ развитіи и упроченіи сибирской ссылки составила эпоху дѣятельность Сперанскаго. Онъ относился къ ссылкѣ объективно, какъ къ существующему факту и смотрѣлъ на нее, какъ на институтъ штрафной колонизаціи, требующій упорядоченія, а на Сибирь, какъ на мѣстность, созданную для такой колонизаціи. Улучшенія ссылки, которая при немъ представляла незначительные размѣры, въ наличности не болѣе 2,000 человѣкъ, онъ стремился достигнуть приве-

деніемъ въ систему правилъ о ней, что и было сдѣлано составленнымъ имъ и изданнымъ въ 1822 г. уставомъ о ссыльныхъ. Уставъ этотъ совершенно разошелся съ жизнью: стройный и строгій на бумагѣ, на дѣлѣ онъ примѣнялся плохо, мало, неполно и непослѣдовательно. Задуманныя Сперанскимъ обязательныя работы для ссыльныхъ на фабрикахъ и заводахъ не удались точно такъ же, какъ и проведенные имъ же ссыльные поселки въ Енисейской губерніи. На Сперанскаго отнюдь нельзя даже ссылаться въ подтвержденіе прочности историческихъ основъ этого учрежденія. Прогрессивный дѣятель своего времени, иногда идя впереди его, онъ все-таки отдалъ дань его воззрѣніямъ. «Сибирь»—пишетъ онъ дочери—«есть прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности, твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ». Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ заявляетъ: «мысль объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь надлежитъ оставить потому, что нѣтъ способовъ удовлетворительно замѣнить ссылку

сію иными назначеніями и потому, что Сибирь есть одна только въ Россіи страна, которая можетъ принимать ссылаемыхъ въ достаточномъ числѣ не только съ наименьшимъ по возможности вредомъ въ настоящее время, но и не безъ пользы для будущаго». При этомъ Сперанскій радовался, что въ Россіи, на удивленіе Европы, не образовалось такъ называемаго преступнаго класса, обращающаго преступленіе въ ремесло, и тѣхъ закоренѣлыхъ типовъ преступности, которые успѣли уже въ его время выработаться на Западѣ. И вотъ—мы видимъ—истекшія 70—80 лѣтъ блистательно опровергли рѣшительно все, что̀ графъ Сперанскій могъ приводить за сохраненіе ссылки, и тѣ же доводы нынѣ обращаются противъ нея. На нашихъ глазахъ, на нашей памяти Сибирь уже не та Сибирь, которую зналъ Сперанскій; призванная къ новой жизни, она возрождается и соединяется желѣзнодорожнымъ путемъ съ центромъ Россіи и съ Европой, она переживаетъ періодъ могучаго экономическаго и гражданскаго подъема. Нынѣ ссылку можно замѣнить средствами гораздо менѣе вредными и неудобными, чѣмъ зараженіе ею Сибири и неизбѣжное обреченіе сотенъ тысячъ ссыльныхъ на произволъ судь-

бы. Но преступный классъ, увы, въ Россіи народился въ лицѣ именно тѣхъ самыхъ сибирскихъ ссыльныхъ, которые были при Сперанскомъ, по его словамъ, въ Сибири «какъ капля въ морѣ», а теперь сотнями, тысячами надвигаются оттуда на внутреннія мѣстности, такъ что единственный теперь способъ противодѣйствія этому классу заключается въ прекращеніи его источника, т. е. самой ссылки.

Подъ вліяніемъ отовсюду поступавшихъ безотрадныхъ свѣдѣній о сибирской ссылкѣ еще въ 30-хъ годахъ возникъ вопросъ о ея замѣнѣ другими мѣрами. По знаменательной исторической преемственности самыя условія возникновенія этого вопроса чрезвычайно напоминаютъ все то, чего мы, современники, являемся очевидцами и участниками. Въ 1834 году, Государственный Совѣтъ поручаетъ Министру Юстиціи, совмѣстно съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, пересмотрѣть законы о ссылкѣ и представить, въ какихъ случаяхъ она могла бы быть замѣнена иными наказаніями. Въ 1835 г., Императоръ Николай Павловичъ пишетъ на рапортѣ Томскаго гражданскаго губернатора: «разсмотрѣть, нѣтъ ли возможности **вовсе прекратить ссылку въ Сибирь**

на поселеніе, оставя сіе для однихъ каторжныхъ»— слова, и нынѣ исполненныя чрезвычайнаго смысла и значенія. Съ 1837 по 1840 г., Государственный Совѣтъ двукратно разсматриваетъ и разрѣшаетъ этотъ вопросъ и, въ первыхъ засѣданіяхъ, съ участіемъ графа Сперанскаго. При этомъ разсмотрѣніи Министры Юстиціи Дашковъ и Внутреннихъ Дѣлъ графъ Блудовъ, выступая рѣшительными противниками ссылки и горячими поборниками ея отмѣны, высказываютъ мысли, вносятъ предположенія (напримѣръ, объ устройствѣ исправительныхъ домовъ заточенія), подъ которыми, въ общемъ, могли бы смѣло подписаться и нынѣшніе Министры. Министръ Юстиціи Императора Николая I предполагаетъ отмѣнить ссылку еще въ то время, когда «*не совершенная крайность, а предусмотрительность побуждаетъ къ тому правительство*». Министръ Юстиціи Императора Николая II, по долгу совѣсти и службы, не можетъ не выразить убѣжденія, что о предусмотрительности уже говорить нельзя, потому что поздно и угрожавшая «*совершенная крайность*» давно настала. И если въ 1840 г. Государственный Совѣтъ не рѣшился сдѣлать этотъ шагъ, столь смѣлый по тогдашнимъ обстоятельствамъ, то

только потому, что на Сибирь, какъ на ссыльный край, онъ еще смотрѣлъ глазами Сперанскаго, находилъ всѣ средства замѣны слишкомъ дорогими и неиспытанными, а потому рискованными, и еще вѣрилъ въ возможность исправить не только ссыльнаго, но и самую ссылку. Однако же и это заключеніе было высказано безъ всякаго одобренія ссылки, весьма осторожно и условно, «только для даннаго времени»—изъ многихъ золъ, видимо, выбиралось то, которое пока казалось наименьшимъ, и оставлялся широко открытымъ вопросъ будущаго.

Шли годы, и положеніе не измѣнялось къ лучшему. Во второй половинѣ XIX столѣтія наша сибирская ссылка съ закрѣпленіемъ ея административной отрасли окончательно опредѣлилась въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ которыхъ мы застаемъ ее и нынѣ. Принудительныя ссыльныя поселенія и работы были брошены, распущенность и преступность ссыльныхъ усиливались, точно такъ же, какъ и ихъ побѣги и бродяжество, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастало озлобленіе и враждебное къ нимъ отношеніе со стороны коренныхъ обывателей. Становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что ссылка разстроена и трудно исправима и что ея почти

не существуетъ въ качествѣ кары и предупрежденія, при чемъ всѣ лица, практически съ ней знакомыя, и въ томъ числѣ все высшее сибирское начальство, относятся къ ней не иначе, какъ отрицательно. Въ этомъ направленіи убѣдительнѣйшихъ фактовъ и доказательствъ набралось такъ много, что одно перечисленіе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Вмѣсто нихъ да будетъ мнѣ позволено привести нѣсколько живыхъ свидѣтельствъ, которыя, по счастливой случайности, не могутъ не встрѣтить отголоска именно въ настоящемъ составѣ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта.

Въ 70-хъ годахъ послѣдовалъ довольно крутой поворотъ въ правительственныхъ взглядахъ на ссылку; ее перестали считать неприкосновенною или, по крайней мѣрѣ, трудно замѣнимою. Надъ ней съ различныхъ сторонъ работали двѣ коммисіи по пересмотру лѣстницы наказаній: одна подъ предсѣдательствомъ *Э. В. Фриша* и другая при Государственномъ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ *К. К. Грота* и обѣ, по всестороннемъ изученіи, признали ссылку подлежащею частью отмѣнѣ, частью ограниченію. Но Государственный Совѣтъ и тогда, при разсмотрѣніи въ 1879 году главныхъ основаній

новой карательной системы, одобривъ въ общемъ предположенія коммисіи, затруднился привести ихъ въ немедленное исполненіе по неподготовленности мѣстъ заключенія и положилъ принять эти предположенія за одну изъ исходныхъ точекъ предстоявшаго пересмотра уложенія о наказаніяхъ, что и было исполнено особой коммисіей Э. В. Фриша по этому предмету. Тѣмъ временемъ не переставали отовсюду раздаваться компетентные голоса противъ ссылки и за ея отмѣну.

Въ 1878 г., на Стокгольмскомъ конгрессѣ молодой дѣятель вновь учреждаемаго тюремнаго вѣдомства заявлялъ, что «абсолютный неуспѣхъ нашей ссылки зависитъ отъ самой сущности этой мѣры репрессіи и что тотъ день, когда ссылка будетъ уничтожена, слѣдуетъ привѣтствовать, какъ начало новой эры пенитенціарной реформы въ Россіи». Справедливыя и благородныя слова—и я знаю, что и нынѣ *В. Н. Коковцовъ*, умудренный государственнымъ опытомъ, отъ нихъ не откажется. Въ 1880—1881 г.г. ссылка была подробно изслѣдована на мѣстѣ первымъ Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія, положившимъ столь прочное основаніе всѣмъ работамъ по этой части,—и вслѣдъ

за симъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III обратилъ Державное вниманіе на вполнѣ неудовлетворительное положеніе ссылки и на необходимость энергическихъ по ней мѣропріятій. Въ 1886 г. тотъ же *М. Н. Галкинъ-Враской* представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ записку о ссылкѣ, въ которой утверждалъ, что «безплодность всякаго рода стремленій къ устройству ссылки и къ приданію ей совершенно недостающаго въ настоящее время карательнаго значенія вытекаетъ сама собою изъ всего прошлаго русской ссылки». Соотвѣтственно этой непререкаемой оцѣнкѣ и были проектированы М. Н. Галкинымъ-Враскимъ воспроизведенныя и еще болѣе развитыя въ 1895 г. предположенія объ отмѣнѣ и замѣнѣ ссылки, которыя весьма близко подходятъ къ предполагаемымъ нынѣ заключеніямъ. Около того же времени Иркутскій Генералъ-Губернаторъ двукратно, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1885 г. и въ отзывѣ на упомянутую записку Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія, произнесъ о ссылкѣ неотразимое по силѣ и вѣскости сужденіе. По мнѣнію *графа А. П. Игнатьева*, «ближайшее знакомство съ современнымъ положеніемъ ссылки въ Сибирь приводитъ къ

весьма грустнымъ заключеніямъ; не говоря уже о томъ, что ссылка составляетъ самое больное мѣсто въ жизни населенія, она, какъ уголовное наказаніе, находится въ полномъ противорѣчіи съ требованіями справедливости; для однихъ она является особою формою медленной смертной казни, другимъ открываетъ новое, болѣе просторное поле для преступной дѣятельности и только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ своего исправительнаго назначенія». Графъ А. П. Игнатьевъ находилъ, что «возвратить высшимъ уголовнымъ наказаніямъ то карательное значеніе, котораго они въ настоящее время вовсе не имѣютъ, можно исключительно лишь путемъ отмѣны ссылки. Каково бы ни было по закону значеніе отдѣльныхъ видовъ ссылки, въ дѣйствительности, всѣ формы ея приняли въ настоящую минуту видъ простаго удаленія, но при томъ такого, которое для матеріально обезпеченнаго преступника открываетъ лишь новое поприще дѣятельности, а для бѣднаго и физически слабаго человѣка является особою формою медленной смертной казни». А между тѣмъ, по удостовѣренію того же главнаго начальника ссыльнаго края, «поставить ссылку въ такія условія, въ которыхъ не

замѣчалось бы, на каждомъ шагу, самаго рѣзкаго и непримиримаго противорѣчія между закономъ и дѣйствительностью, не помогутъ никакія усилія правительства».

Эти сужденія и выводы должны были принести свои плоды. Мысль объ отмѣнѣ, о замѣнѣ и о радикальномъ ограниченіи всѣхъ видовъ ссылки зрѣла и крѣпла въ сознаніи правительства, и въ 1888 г. проектъ объ этомъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ бывшими Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи по соглашенію съ Главноуправляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Совѣтѣ. Имена графа Д. А. Толстого, Н. А. Манасеина и Э. В. Фриша ручались за то, что въ ихъ предположеніяхъ основательность и осмотрительность соединялись съ глубокимъ знаніемъ истинныхъ государственныхъ потребностей нашего отечества. Государственный Совѣтъ, значительнымъ большинствомъ одобрилъ въ общихъ чертахъ основныя положенія проекта, отдавъ при этомъ полную справедливость ихъ обстоятельной разработкѣ. И если, тѣмъ не менѣе, проектъ не прошелъ, въ законъ не превратился, то причины тому лежали столько же въ обстоятельствахъ постороннихъ существу его и преходя-

щихъ, сколько въ той какъ бы нерѣшительности, которая нерѣдко овладѣвала законодателемъ въ минуту послѣдняго расчета съ привычнымъ, вкоренившимся предубѣжденіемъ о томъ, что безъ ссылки въ Сибирь русскому человѣку спокойно и мирно жить нельзя, что безъ нея некуда будетъ дѣвать и негдѣ обезвреживать порочные, опасные и вредные элементы русскаго народа. Нынѣ всѣ препятствія 1888 г. устранены или сглажены: измѣняемыя съ отмѣной ссылки статьи дѣйствующаго уложенія по указанію Государственнаго Совѣта подробно пересмотрѣны, вновь проектируемыя наказанія по возможности соображены съ постановленіями уже внесеннаго въ Государственный Совѣтъ проекта новаго уложенія, тюремная часть значительно улучшилась и тюрьмы, что бы о нихъ ни говорили, гораздо удовлетворительнѣе прежняго, расходы на переустройство мѣстъ заключенія, для замѣны ссылки, приведены въ извѣстность и средства на это найдены безъ обремененія государственнаго казначейства и, наконецъ, въ большей части сельскихъ мѣстностей уже 10 лѣтъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ дѣйствуетъ та близкая къ народу попечительная власть кресть-

янскаго управленія, отсутствіе которой признавалось главной помѣхой упраздненію или ограниченію ссылки по приговорамъ обществъ. Что же касается колебаній и боязни предъ неизвѣстнымъ будущимъ, то совершенное, безповоротное разстройство сибирской ссылки есть несравненно худшее настоящее. Когда-нибудь начать же нужно, и жизнь не ждетъ, есть мѣры, которыя откладывать невозможно потому, что движеніе по наклонной плоскости не останавливается и рано или поздно кончается паденіемъ.

Въ настоящее благополучное царствованіе вопросъ о ссылкѣ пріобрѣлъ особую важность и неотложный, настоятельный характеръ. Наше время не можетъ долѣе терпѣть всѣхъ безобразныхъ ея явленій, всего того, что происходитъ въ ея распущенной и безпорядочной области, а обновленную Сибирь нельзя долѣе оставлять какъ бы привилегированной страной отверженности и преступленія. Тотъ, кто хотя разъ въ жизни своими глазами видѣлъ ссыльный край съ его этапами, острогами, бродягами, бѣдствующими поселками и зараженнымъ, озлобленнымъ населеніемъ,—тотъ не забудетъ во всю жизнь этихъ впечатлѣній и навсегда пребудетъ убѣжденнымъ противникомъ сибирской ссылки.

Даже съ поселеніемъ въ Сибири послѣ каторги не легко помириться вдумчивому и просвѣщенному наблюдателю. «По глубокому моему убѣжденію, вынесенному изъ двукратнаго объѣзда разныхъ областей Сибири»—пишетъ *А. Н. Куломзинъ*—«поселеніе тамъ представляется анахронизмомъ, не достигающимъ имѣвшихся въ виду законодательныхъ цѣлей, вреднымъ для наказуемыхъ и глубоко развращающимъ все сибирское населеніе». Что же сказать о простой ссылкѣ, не оправдываемой предыдущей каторгой за тяжкое злодѣяніе? Да только то, что она теперь болѣе, чѣмъ когда-либо требуетъ вниманія и отмѣны. Въ самомъ дѣлѣ, что являетъ она собою, если окинуть ее бѣглымъ взоромъ въ ея рельефныхъ очертаніяхъ и неприкрашенномъ настоящемъ ея видѣ?

Такъ какъ, по единогласному удостовѣренію лицъ, изучившихъ или вѣдающихъ ссылку, всѣ отдѣльныя категоріи ея, различныя по значенію въ законѣ и на бумагѣ, на практикѣ сливаются въ одну общую, безформенную массу, то сибирскую ссылку нужно брать цѣликомъ, безъ фиктивныхъ ея подраздѣленій. Внушительны ея количественные размѣры; болѣе *8,000*, а съ семьями до *12,000* человѣкъ ежегоднаго при-

тока, до *300,000* наличнаго ссыльнаго населенія Сибири, не считая, конечно, происшедшаго отъ прежнихъ ссыльныхъ поколѣній. Въ концѣ представленнаго мною изслѣдованія о ссылкѣ приведены по истинѣ ужасающіе современные ея итоги. Изъ всего множества ссыльныхъ двѣ трети, около *66*%, находится въ безвѣстномъ бродячемъ состояніи, иначе говоря, въ открытой войнѣ съ закономъ и обществомъ или прозябаютъ среди подонковъ и отбросовъ этого послѣдняго. Только одна треть, около *33*%, значится на учетѣ, частью едва пробиваясь работой, частью побираясь Христовымъ Именемъ, и лишь *10*% кое-какъ осѣли на землю, но и изъ нихъ не болѣе *1*½%, ничтожная цифра въ *4,500* человѣкъ, имѣютъ шансы окончательно слиться съ старожилами. Очевидно, ни о какомъ исправительномъ воздѣйствіи на ссылаемыхъ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи; они просто на просто механически выбрасываются въ Сибирь и здѣсь какъ бы посредствомъ какого-то безсознательнаго самообмана подъ видомъ ссылки предоставляются своей печальной участи. Одни погибаютъ, другіе совершаютъ новыя преступленія и наполняютъ собою сибирскія тюрьмы,

давая до *60%* ихъ арестантскаго состава; третьи бродяжатъ, перебираются обратно за Уралъ, на родину, наводя страхъ на обывателей, и точно въ заколдованномъ кругѣ, подъ характеристическимъ московскимъ названіемъ «обратниковъ», кончаютъ опять тюрьмой и ссылкой. Сибирское старожильческое населеніе стонетъ отъ ссылки и ненавидитъ ссыльныхъ. Казнѣ ссылка обходится до 2,000,000 руб. въ годъ, а матеріальный ущербъ, приносимый ею мѣстнымъ жителямъ, не поддается никакимъ разсчетамъ, но, во всякомъ случаѣ, громаденъ. Ссылка *не исправима* и *не излѣчима*, несмотря ни на какія усилія и затраты, она въ себѣ самой носитъ задатки разложенія—о томъ свидѣтельствуетъ все ея историческое прошлое, безуспѣшность всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ разное время къ ея уврачеванію. Ссылка *нецѣлесообразна* и какъ общее уголовное наказаніе, и какъ предупредительное средство; ссылка *безполезна* или даже *вредна* какъ способъ заселенія; наконецъ, ссылка есть *зараза*, *бѣдствіе и нравственно-гражданскій позоръ* Сибири, давно ожидающей и, казалось бы, заслуживающей своего освобожденія.

Теперь, во исполненіе Высочайшихъ преду-

казаній, на уваженіе Государственнаго Совѣта представляется только первая часть обширнаго систематическаго плана преобразованія нашихъ важнѣйшихъ карательныхъ учрежденій, до сихъ поръ построенныхъ, главнымъ образомъ, на ссылкѣ или, по крайней мѣрѣ, тѣсно съ нею связанныхъ. Осуществленіе этого плана признается нетерпящимъ отлагательства и потому онъ предупреждаетъ будущее новое уложеніе, предшествуя ему, во всякомъ случаѣ, на такой срокъ, въ теченіе котораго нельзя мириться съ нынѣшнимъ вполнѣ разстроеннымъ, глубоко вреднымъ положеніемъ всего ссылочнаго строя, если такъ можно называть колоссальное фактическое сплетеніе неустранимыхъ безпорядковъ и роковыхъ недоразумѣній. Но представляемыя предположенія находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ началами новаго уложенія и расчищаютъ, подготовляютъ путь къ нему. Судебная ссылка вовсе не упраздняется цѣликомъ, почеркомъ пера; она сохраняется, какъ особенное наказаніе, для тѣхъ исключительныхъ случаевъ проявленія преступной воли, которые сложились на почвѣ фанатизма или заблужденія, требуютъ удаленія изъ прежней среды, но допускаютъ возможность какъ отрезвленія и возрожденія,

такъ и не безполезной трудовой жизни въ новой обстановкѣ, при чемъ незначительное количество подобныхъ ссыльныхъ облегчитъ устройство поселенія и даже наблюденіе за каждымъ поселенцемъ. Какъ бы то ни было, Сибирь все-таки перестанетъ быть спеціально ссылочнымъ краемъ, а немногія поселенія и приселенія ссыльныхъ могутъ быть организуемы и въ другихъ мѣстностяхъ, для этого удобныхъ. Судебная ссылка замѣнится заключеніемъ на соотвѣтственные сроки въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ— будущихъ исправительныхъ домахъ новаго уложенія, и въ тюрьмахъ, которыя для этой цѣли будутъ, смотря по надобности, послѣдовательно расширены, переустроены и сооружены вновь со всѣми приспособленіями, требуемыми подобнымъ ихъ назначеніемъ. Мѣропріятія такого рода, уже подробно разработанныя въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, тѣмъ возможнѣе, что наши мѣста заключенія, вопреки ходячему и совершенно невѣрному о нихъ понятію, уже давно безостановочно, даже и при настоящихъ скудныхъ средствахъ, идутъ впередъ къ усовершенствованію и отличаются все возрастающимъ широкимъ и—я смѣю удостовѣрить— весьма цѣлесообразнымъ развитіемъ внѣшнихъ

и внутреннихъ работъ. этого главнаго, безошибочнаго, почти единственнаго орудія карательнаго воздѣйствія. Противъ особо вредной и опасной категоріи нынѣшнихъ ссыльныхъ, водворяемыхъ въ Сибири бродягъ, должны быть приняты мѣры строгія и уже съ успѣхомъ испытанныя — заключеніе въ исправительное арестантское отдѣленіе и затѣмъ высылка на Сахалинъ — мѣры, подъ вліяніемъ которыхъ бродяжество, такъ сказать, таетъ и уменьшается до предѣловъ, сравнительно ничтожныхъ. На все это, конечно, нужны деньги, какъ и на всякое большое государственное начинаніе первостепенной важности. И эти деньги налицо, безъ новаго отягощенія народа и казны, онѣ— въ предложеніи Министерства Финансовъ воспользоваться заимообразно свободными штрафными капиталами, не нарушая основнаго, истиннаго ихъ характера и не препятствуя дальнѣйшему существованію и размноженію земскихъ арестныхъ помѣщеній до той поры, когда вопросъ о нихъ получитъ, наконецъ, правильную постановку и практическое разрѣшеніе. Далѣе, такъ какъ судебная ссылка составляетъ лишь меньшую половину ссылки вообще, то другая, бо́льшая ея половина, ссылка административная,

страдающая тѣми же и еще болѣе вопіющими недостатками, столь же настойчиво нуждается, если не въ полной отмѣнѣ, то въ значительномъ ограниченіи и упорядоченіи. Не затронуть же нынѣ этого предмета значило бы вновь похоронить весь вопросъ о нашей ссылкѣ подъ тяжестью сомнѣній, нерѣшительности и полумѣръ. Возникшее здѣсь разногласіе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ существенно, но не настолько глубоко и не поправимо, чтобы явиться коренной помѣхой благому дѣлу, неотложная важность котораго торжественно возвѣщена съ высоты Престола. Все будетъ зависѣть отъ подробностей и отдѣльныхъ пунктовъ, при обсужденіи которыхъ Министерство Юстиціи и выскажетъ свои окончательныя соображенія. Въ настоящее же время необходимо прежде всего ясно установить, признаемъ ли мы еще разъ, какъ многократно въ теченіе столѣтія, свое безсиліе передъ зіяющими язвами нашей ссылки или же, наученные горькими уроками исторіи и дѣйствительности, мы готовы вооружиться противъ этого обветшалаго и устарѣлаго пережитка всѣми доступными намъ средствами здравой карательной политики?

Тюремный трудъ *).

Съ искреннимъ удовольствіемъ и живѣйшими упованіями я привѣтствую васъ на первомъ съѣздѣ русскихъ тюремныхъ дѣятелей. Впервые собираются они воедино для откровеннаго обмѣна практическихъ мыслей и взглядовъ по тому суровому, но высокому и почтенному дѣлу, посредствомъ котораго совершается карательная борьба съ преступленіемъ. Не богата тюремная дѣятельность блескомъ и славою, не привлекаетъ она заманчивыми перспективами; вся состоящая изъ неустаннаго, невиднаго, подчасъ неблагодарнаго, и самоотверженнаго служенія долгу, она лишь въ чуткомъ и просвѣщенномъ его сознаніи даетъ внутреннее, нравственное удовлетвореніе. Тѣмъ цѣннѣе для

*) Рѣчь при открытіи перваго съѣзда тюремныхъ дѣятелей по вопросамъ тюремнаго труда. 11 Марта 1902 г.

скромныхъ отечественныхъ труженниковъ тюремнаго дѣла ихъ открывающееся сегодня личное общеніе. Въ немъ найдутъ они дружное, товарищеское единеніе, поддержку бодрости и энергіи, залогъ заслуженнаго успѣха на трудномъ пути къ усовершенствованію части, имъ ввѣренной.

Настоящій предметъ этого общенія, точно опредѣленный и тѣсно ограниченный, касается лишь одной изъ отраслей тюремнаго строя—тюремнаго труда, арестантскихъ работъ. Но, по глубокому моему убѣжденію, нѣтъ для насъ вопроса болѣе важнаго и назрѣвшаго, болѣе приличествующаго обсужденію на вашемъ первомъ, начальномъ собраніи. Послѣ непосредственнаго духовнаго воздѣйствія на заключенныхъ, на ихъ душу и сердце, именно въ правильной и удачной постановкѣ ихъ труда намѣчается первенствующая задача, а слѣдовательно и вся будущность тюремныхъ мѣропріятій. Теоретически, въ ученіяхъ о наказаніи и въ тюрьмовѣдѣніи, это вопросъ давно и безповоротно рѣшенный, это цѣлая совокупность истинъ, уже не требующихъ оправданія. Если же порою и раздаются единичные слабые и неубѣдительные голоса противниковъ тюремной

работы, то вѣдь это въ сущности возражаютъ или пытаются возражать принципіальные противники не только тюрьмы, но и вообще уголовной кары, т. е. безпочвенные утописты. Едва ли нужно какое-либо научное обоснованіе тюремнаго труда; необходимость его прямо вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы, изъ потребностей общежитія, изъ здраваго житейскаго смысла. Никто не сомнѣвается нынѣ въ громадномъ исправительномъ и воспитательномъ вліяніи труда на шаткую волю, на падшую нравственность, и слѣдуетъ ли доказывать, что трудъ или, вѣрнѣе, привычка къ нему, есть самое могучее средство противъ тунеядства и праздности, этихъ главнѣйшихъ причинъ преступленія, самое надежное орудіе возрожденія къ честному и законномѣрному существованію? А гдѣ трудъ, тамъ отчасти уже обезпечены порядокъ, строгое соблюденіе установленныхъ правилъ, подчиненіе дисциплинѣ,—эти краеугольные камни нормальной тюрьмы. Затѣмъ, до очевидности ясно, что тюремная работа, предоставляя арестанту матеріальное подспорье въ заключеніи и надежду на заработокъ по выходѣ изъ него, тѣмъ самымъ укрѣпляетъ его потрясенныя силы и закаливаетъ ихъ противъ

будущихъ соблазновъ и испытаній. Наконецъ, при болѣе или менѣе значительномъ доходѣ отъ тюремныхъ работъ въ пользу казны и, въ частности, тюремнаго вѣдомства, возникаетъ, правда, нѣсколько идеальное, но увлекательное и грандіозное, представленіе о тюрьмѣ, хотя бы до нѣкоторой степени себя окупающей, о такой ея организаціи, которая, дѣйствуя на благо тюремныхъ сидѣльцевъ, въ то же время сберегаетъ народныя деньги для иныхъ, общеполезныхъ цѣлей, не связанныхъ съ мрачными проявленіями преступности и порока.

Въ разумной заботливости о наилучшемъ устройствѣ арестантскихъ работъ, практика выработала рядъ условій, которымъ онѣ должны соотвѣтствовать для выполненія своего сложнаго, пенитенціарнаго назначенія. Эти условія, положительныя и отрицательныя, разнохарактерны, жизненны и вполнѣ осуществимы. Такъ, прежде всего, центръ тяжести ихъ лежитъ отнюдь не въ наказаніи трудомъ, а въ принужденіи къ нему, въ его обязательности и неизбѣжности. Не страданіемъ, не мучительствомъ является онъ въ хорошемъ обиходѣ тюрьмы, а лишь такою существенною, незамѣнимою его принадлежностью, куда, главнымъ образомъ, и напра-

вляется вся нравственная и физическая личность заключеннаго. Если тюрьма вообще есть наиболѣе удобная и гибкая форма уголовной репрессіи, то тюремная работа есть самое дѣйствительное и цѣлесообразное ея содержаніе. Быть можетъ, настанетъ время, когда за всякое преступное нарушеніе закона будутъ приговаривать не къ годамъ или мѣсяцамъ наказующаго заключенія, а къ днямъ и часамъ принудительной работы во искупленіе вины. И даже теперь, при нынѣшнихъ понятіяхъ о способахъ отбыванія наказанія, пусть виновный, вступая въ тюрьму, завѣдомо для себя идетъ, такъ сказать, „отрабатывать" свое преступленіе. Тюремная работа не должна быть шуткой, игрой, развлеченіемъ, ее нужно сдѣлать чувствительной, но да не будетъ она и чрезмѣрно тяжкой, а тѣмъ болѣе вредной для здоровья подневольныхъ работниковъ. Простая, по преимуществу ручная и по возможности разнообразная, она имѣетъ свой первообразъ скорѣе въ кустарной мастерской, чѣмъ въ фабричномъ корпусѣ. Какъ всякій видъ труда, и она подлежитъ законамъ спроса и предложенія, и она естественно стремится къ наибольшей производительности и выгодности. Но этотъ характеръ ея не играетъ рѣша-

ющей роли въ ея судьбѣ, и тюремная работа находится въ особомъ, своеобразномъ соотношеніи къ труду свободному. Между ними не долженъ вставать призракъ той пресловутой конкурренціи, изъ за которой на Западѣ иногда ратуютъ, хотя и неудачно, противъ развитія тюремныхъ производствъ. У насъ, по крайней мѣрѣ въ переживаемую экономическую эпоху, нечего бояться чего-либо подобнаго и потому нечего и останавливаться на весьма спорномъ положеніи о правѣ государства обрекать лицъ, караемыхъ имъ тюрьмою, на всѣ невзгоды безработицы, во имя весьма сомнительной выгоды свободнаго ремесла. Мы можемъ смѣло и спокойно развивать у себя тюремный трудъ, принимая лишь тамъ, гдѣ это необходимо, нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы интересы тюрьмы соображались съ общими условіями рынка и не сталкивались слишкомъ рѣзко съ интересами его свободныхъ поставщиковъ. Такія мѣры сводятся къ выбору тюремныхъ производствъ, къ регулированію цѣнъ на тюремныя издѣлія, къ системѣ ихъ изготовленія и сбыта, къ пріисканію мастеровъ для тюремныхъ работниковъ и занятій для тюремныхъ выпущенниковъ, и къ другимъ вопросамъ тюремно-рабочей политики. Огромное

большинство нашихъ арестантовъ выходитъ изъ простонародія, и такъ какъ въ его многомилліонной массѣ рѣшительно преобладаютъ земледѣлецъ и кустарь, то и естественно стараться смягчить для нихъ несчастіе тюрьмы умѣлымъ пользованіемъ и въ тюрьмѣ ихъ привычною работою. Тюрьма исполнитъ одну изъ крупнѣйшихъ своихъ задачъ, если сохранитъ и улучшитъ трудоспособность заключеннаго работника, а изъ неработника сдѣлаетъ человѣка, могущаго прокормить себя и свою семью, не прибѣгая къ преступленію.

Исторія русскаго тюремнаго дѣла за истекшія почти два столѣтія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія постепеннаго роста самой идеи и реальнаго примѣненія тюремныхъ работъ. Отъ указа Петра Великаго, изданнаго 20-го сентября 1722 года, объ употребленіи колодниковъ на казенныя работы, этого перваго законодательнаго памятника по занимающему насъ предмету, до закона 6-го января 1886 года, открывшаго въ немъ новую эру и опредѣляющаго нынѣшнее положеніе вещей, законодатель неизмѣнно признавалъ обязательный тюремный трудъ необходимымъ и главнымъ послѣдствіемъ карательнаго лишенія свободы. Въ мысляхъ и велѣніяхъ

закона первоначальныя финансовыя, фискальныя соображенія современемъ смѣнились исправительно - воспитательными побужденіями, работа безвозмездная стала работой вознаграждаемой, безпорядокъ и неустройство уступили мѣсто точнымъ и яснымъ правиламъ. Но буква и бумага не всегда побѣдоносно боролись съ практической дѣйствительностью, и лучшія намѣренія нерѣдко разбивались о косность, рутину и распущенность. Только въ теченіе послѣдняго 20-лѣтія удалось Главному Тюремному Управленію, при помощи сочувствующихъ общественныхъ дѣятелей, водрузить на прочномъ основаніи въ нашихъ тюрьмахъ начало по возможности повсемѣстнаго, широко поставленнаго труда. Шагъ за шагомъ, медленно, но неуклонно, отвоевывается имъ область празднаго томленія въ заключеніи и тѣмъ мало-помалу уменьшается тлетворное дѣйствіе тюрьмы, какъ школы порчи и преступленія. О размѣрахъ достигнутыхъ результатовъ можно судить по внѣшнему признаку, по возрастающей изъ года въ годъ цифрѣ чистаго дохода отъ тюремныхъ работъ. Въ 1887 году онъ составилъ 539.000 р., увеличившись вслѣдъ за изданіемъ закона 1886 года въ $2^1/_2$ раза, сравнительно

съ предшествовавшими годами; черезъ 10 лѣтъ, въ 1897 г., онъ дошелъ до 1.113.000 р., а въ 1900 году возросъ уже до полутора милліона, не переставая обнаруживать и дальнѣйшую, постоянную наклонность къ повышенію. Образованный изъ этого дохода въ 1889 г. при Главномъ Тюремномъ Управленіи, для развитія работъ, особый, такъ называемый, заработный фондъ составлялъ къ 1 января 1890 года нѣсколько болѣе 68.000 руб., а въ текущемъ 1902 г., не смотря на значительные изъ него расходы, съ вѣроятностью предвидится, что онъ дойдетъ до 500.000 руб. Другимъ вещественнымъ показателемъ благопріятнаго состоянія тюремныхъ работъ является, вѣроятно, уже знакомый вамъ тюремный отдѣлъ всероссійской кустарнопромышленной выставки, недавно удостоившійся высокомилостиваго Высочайшаго посѣщенія и одобренія. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщена лишь небольшая часть экспонатовъ, поступившихъ со всѣхъ концовъ Имперіи, при чемъ недостатокъ мѣста и крайняя спѣшность сооруженія и устройства не позволили сдѣлать лучше и больше того, что вы видѣли или увидите. Но и это немногое уже однимъ своимъ пестрымъ разнообразіемъ и яркою содержатель-

ностью заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія. Несомнѣнно, вопросъ о тюремныхъ работахъ круто поставленъ на очередь, рѣшительно вошелъ въ періодъ небываланаго оживленія и ощутительно прогрессируетъ. конечно, по мѣрѣ нашихъ, еще несовершенныхъ и не организованныхъ, средствъ. Самый созывъ настоящаго съѣзда свидѣтельствуетъ о томъ выдающемся значеніи, которое придается ему правительствомъ, о надеждахъ, возлагаемыхъ тюремнымъ вѣдомствомъ на ревностное содѣйствіе его начинаніямъ со стороны заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что если нѣчто и сдѣлано, то еще больше осталось сдѣлать, и что передъ нами разстилается едва початое, необозримое поле дѣятельности. Распространеніе тюремныхъ работъ еще далеко неудовлетворительно и недостаточно подвинулось впередъ сравнительно даже съ законными требованіями. Такъ, къ сожалѣнію, въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, гдѣ всѣ заключенные подлежатъ обязательнымъ работамъ, постоянно и правильно работаетъ лишь половина всего состава, хотя, впрочемъ, процентъ работающихъ почти повсюду послѣдовательно увеличивается. Во всякомъ случаѣ,

тюремный заработокъ могъ бы быть гораздо значительнѣе. Признаніе того, что безъ работъ тюрьма не только не имѣетъ смысла, но болѣе вредна, чѣмъ полезна, еще не вездѣ вошло въ плоть и кровь тюремной администраціи. Вліяніе арестантскаго труда на сокращеніе рецидива еще вовсе не выяснено. Въ ежедневномъ оборотѣ тюремнаго труда возникаетъ множество различныхъ затрудненій, сомнѣній, усложненій и запросовъ, чему лучшимъ доказательствомъ являются ваша обширная программа и тѣ сообщенія, которыя вы будете разсматривать. Дѣло тюремнаго труда идетъ полнымъ ходомъ, но оно настоятельно нуждается въ многостороннемъ освѣщеніи и въ систематическомъ упорядоченіи, не говоря уже о расширеніи и развитіи. И когда вы, дружественно столковавшись между собою, обсудите и разрѣшите предстоящія предложенія, тогда, мы надѣемся, исчезнетъ сѣрый сумракъ, до сихъ поръ еще заволакивающій русскую работающую тюрьму, и передъ ней окончательно раскроется великое и благодѣтельное поприще. Мы вѣримъ, она заживетъ новой жизнью, сознательною жизнью среды, приспособленной къ тому, чтобы въ преступникѣ возстановить человѣка чудотворною,

всемогущею, обновляющею силою труда. Не малую службу сослужите вы здѣсь родной землѣ, и не пройдутъ безслѣдно принесенныя сюда усилія ума, знанія, опыта и добросовѣстнаго попеченія о тѣхъ, кого любвеобильный народъ нашъ такъ трогательно и выразительно называетъ „несчастными“. Въ этихъ самыхъ стѣнахъ *) уже давно кипитъ правильная и полезная тюремная работа, и ея близость, ея бодрящій воздухъ создаетъ особенно знаменательную обстановку вашимъ занятіямъ, къ которымъ я и приглашаю васъ обратиться, отъ всей души желая имъ вполнѣ успѣшнаго теченія. Объявляю первый съѣздъ тюремныхъ дѣятелей открытымъ и прошу г. Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія вступить въ исполненіе его предсѣдательскихъ обязанностей.

---

*) Первый Съѣздъ тюремныхъ дѣятелей происходилъ въ зданіи С.-Петербургской Исправительной тюрьмы, на Выборгской сторонѣ.

ПЕРЕСМОТРЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ *).

Какъ это допускается и даже принято въ практикѣ Государственнаго Совѣта, я желалъ бы предпослать разсмотрѣнію крупнаго законодательнаго дѣла вступительныя соображенія о его значеніи и характерѣ. Такой пріемъ не безполезенъ, если, не вдаваясь въ подробности, лишь освѣщаются главнѣйшія стороны сложнаго предмета. Необременительное къ нему предисловіе облегчаетъ общее съ нимъ ознакомленіе и сразу, черезъ всѣ многотомныя преграды, вводитъ въ его живую сущность, далеко выходящую изъ круга привычной обыденности.

Настоящее дѣло первостепенной государственной важности есть плодъ продолжитель-

---

*) Объясненія въ первомъ засѣданіи Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи представленія М-ва Юстиціи по пересмотру законоположеній по судебной части, 16 Декабря 1902 года.

ной, усиленной работы многихъ лицъ и неразрывно связано съ долгими годами ихъ убѣжденной дѣятельности на судебномъ поприщѣ. Намъ—я говорю и за себя, и за почтенныхъ моихъ сотрудниковъ—намъ дорога эта работа, въ которую нѣкоторые изъ насъ вложили лучшія свои силы, больше—всю душу свою. Мы ждемъ, мы просимъ строгаго, но безпристрастнаго о ней сужденія, и сегодня на мнѣ лежитъ отвѣтственная обязанность при самомъ приступѣ къ дѣлу обрисовать его возможно точными чертами для того, чтобы не оставалось по крайней мѣрѣ предварительныхъ сомнѣній ни въ отношеніи смысла внесенныхъ предположеній, ни относительно истиннаго намѣренія ихъ составителей. Пусть будетъ критика, споры, возраженія, несогласія, но пусть при этомъ устранятся недоразумѣнія и предубѣжденія и будетъ благожелательно услышанъ искренній голосъ тѣхъ, кому ввѣрено тяжелое бремя попеченія о судьбахъ отечественнаго правосудія. Я знаю цѣну словамъ и времени и постараюсь быть краткимъ, не въ ущербъ, однако, полнотѣ и ясности, въ надеждѣ на снисходительное признаніе всей исключительности, всего многообразія моей задачи.

Представляя на обсужденіе Соединенныхъ Департаментовъ законченные обширные труды по всестороннему пересмотру судебнаго законодательства, я прошу дозволенія въ бѣгломъ очеркѣ прежде всего напомнить о происхожденіи и цѣли этихъ трудовъ, далѣе указать примѣненные въ нихъ способы изученія и изслѣдованія, затѣмъ коснуться руководящихъ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе и перечислить наиболѣе выдающіеся вопросы вмѣстѣ съ предполагаемымъ ихъ рѣшеніемъ. Такое изложеніе можетъ, между прочимъ, сжато отвѣтить тѣмъ, кто пожелалъ бы выяснить себѣ, чѣмъ вызванъ и для чего предпринятъ пересмотръ, какъ онъ исполненъ, чѣмъ задавался и къ чему онъ пришелъ по главнымъ отраслямъ нашего судебнаго строя. Въ этихъ, какъ и въ послѣдующихъ, посильныхъ разъясненіяхъ Министерства Юстиціи не найдется такъ называемыхъ заднихъ мыслей или уклончивой недосказанности: бываютъ моменты и положенія, требующіе одной политики—разумной, но рѣшительной и прямодушной откровенности.

I.

Всесторонній пересмотръ законоположеній по судебной части, т. е. Судебныхъ Уставовъ

Императора Александра II, представляетъ столь внушительное и вмѣстѣ обоюдо-острое сочетаніе понятій, что это начинаніе уже само по себѣ, независимо отъ результатовъ, способно возбудить своего рода смущеніе среди занимающихся или интересующихся судебной областью. Впервые въ оффиціальномъ сопоставленіи являются съ одной стороны Судебные Уставы, цѣнное достояніе великой преобразовательной эпохи, стройная система законовъ, чтимыхъ обществомъ и гражданами, съ другой—повѣрка этихъ законовъ, предполагающая какъ бы неувѣренность въ ихъ пригодности и допускающая возможность болѣе или менѣе кореннаго ихъ измѣненія. Возникаетъ тревога за цѣлость почитаемаго памятника, слышится опасеніе видѣть его умаленнымъ или поврежденнымъ. Высказывается даже недоумѣніе, былъ ли нуженъ общій пересмотръ судебныхъ законовъ, сравнительно недавно изданныхъ, не грозитъ ли онъ какими либо неблагопріятными или проблематичными послѣдствіями и не осторожнѣе ли, если уже нельзя обойтись безъ судебныхъ новеллъ, проводить ихъ постепенно, при настоятельной въ томъ надобности и только въ тѣхъ частяхъ, которыя особенно громко взываютъ къ

перемѣнѣ. Мы не скрывали и не скрываемъ отъ себя этого возраженія, которое зародилось съ начатіемъ нашихъ трудовъ, сопровождало ихъ движеніе и быть можетъ и до сихъ поръ не перестаетъ витать надъ ними какимъ то туманнымъ облакомъ предвзятаго сомнѣнія. Но мы отнюдь этого не страшимся, такъ какъ твердо вѣримъ, что нерасположеніе къ пересмотру, если бы оно и было, зависитъ единственно отъ недостаточнаго знакомства съ обстоятельствами и причинами, его вызвавшими, а также со всею его серьезною и дѣловою сущностью. Собственно говоря, въ отвѣтъ на всѣ сомнѣнія и недоумѣнія можно было бы ограничиться лаконическою ссылкою на Высочайшую волю, выраженную въ приснопамятной резолюціи отъ 7 Апрѣля 1894 г., въ которой опредѣлительно признана не только цѣлесообразность, но и прямая необходимость этого мѣропріятія. Мы, однако, чужды даже и помышленія укрыться за державный щитъ отъ нападеній. Если они неотвратимы, то нынѣшній Министръ Юстиціи считаетъ своимъ священнымъ долгомъ принять ихъ грудью какъ потому, что названное Высочайшее повелѣніе послѣдовало въ одобреніе и утвержденіе его всеподданнѣйшаго доклада

и ходатайства, такъ и потому, что въ его сознаніи неизгладимо запечатлѣлись тѣ зрѣло обдуманныя побужденія, которыя привели къ рѣшимости именно подобнымъ, а не инымъ путемъ, стремиться къ осуществленію почти предсмертнаго Монаршаго желанія: «**чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи**».

Ни для кого не тайна, что первое тридцатилѣтіе дѣйствія суда по Судебнымъ Уставамъ 20 Ноября 1864 г. не было отмѣчено спокойствіемъ, укрѣпляющимъ всякое новое учрежденіе. Напротивъ, онъ пережилъ періодъ бурный и безпокойный, прошелъ черезъ значительныя испытанія, быть можетъ отчасти закалился, но и пострадалъ въ борьбѣ за существованіе. Присутствующимъ извѣстно, а нѣкоторымъ, вѣроятно, и лично памятно, какое горячее сочувствіе встрѣтила судебная реформа, какимъ поразительнымъ подъемомъ силъ и духа были озарены ея начальные шаги. Въ этомъ несомнѣнномъ, теперь уже историческомъ фактѣ заключался, во всякомъ случаѣ, добрый залогъ успѣха преобразованнаго суда. Но праздникъ скоро смѣнился буднями и настушили трудные дни практическаго приспособленія къ дѣйствительности.

Произведя глубокій правовой переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ и взглядахъ, новый судъ не избѣжалъ, не могъ избѣжать реакціи и непріязни. Онъ затрогивалъ слишкомъ много интересовъ, претендовавшихъ на неприкосновенность, онъ провозглашалъ порядокъ, ставившій законъ и совѣсть выше какихъ бы то ни было вожделѣній и вліяній, онъ дѣйствовалъ смѣло и открыто, при яркомъ свѣтѣ гласности, могучимъ оружіемъ непосредственнаго, устнаго изслѣдованія. Подъ неостывшими еще впечатлѣніями дореформеннаго прошлаго не всѣ могли помириться съ новыми принципами, съ отдѣльнымъ и независимымъ судомъ, которому нельзя приказывать, который невозможно ни запугать, ни закупить, съ которымъ приходится считаться при всѣхъ проявленіяхъ неправды и произвола. Было естественно сначала глухое, а потомъ и болѣе отважное недружелюбіе и раздраженіе, возбуждаемыя новою судебною дѣятельностью по мѣрѣ ея развитія. И вотъ, параллельно съ нею идутъ упорныя старанія выставить и подчеркнуть и при этомъ иногда и преувеличить ея ошибки или недостатки. А такъ какъ отъ этихъ послѣднихъ не были свободны постановка и примѣненіе молодаго

судебнаго строя, то вскорѣ нашлась и благодарная почва для нареканій, зорко подстерегавшихъ каждый промахъ, каждый пробѣлъ, неизбѣжные при совершенной новизнѣ крутыхъ и спѣшныхъ перемѣнъ. Здравомыслящіе друзья новаго суда не станутъ отрицать, что въ особенности на первыхъ порахъ ему не мало мѣшали и вредили такія, въ сущности, преходящія или поправимыя черты, какъ отсутствіе опыта и традицій, нѣкоторыя теоретическія и подражательныя увлеченія, не всегда подходящія къ нашему своеобразному укладу, а болѣе всего—несогласованность новаго судебнаго порядка со многими условіями быта, времени и мѣста. Между тѣмъ какъ новые суды были поглощены своей затягивающей работой, все возраставшей въ качествѣ и въ количествѣ, а противники ихъ умѣло пользовались всякимъ удобнымъ поводомъ для порицанія, жизнь безостановочно дѣлала вокругъ свое неотразимое дѣло повѣрочной оцѣнки и разбора. Въ обществѣ и въ печати обозначились крайнія теченія, одинаково неблагопріятныя для спокойнаго преуспѣянія новыхъ установленій: одно, черезчуръ восторженнаго восхваленія Уставовъ и слѣпаго передъ ними преклоненія, другое, наоборотъ, огульнаго,

ожесточеннаго и потому несправедливаго ихъ осужденія. Первое не отдавало ни пяди, ни буквы отъ завѣтныхъ скрижалей. второе требовало чуть не ихъ уничтоженія. Законодатель же, въ свою очередь, былъ вынужденъ избрать третью, среднюю дорогу—отдѣльныхъ частичныхъ измѣненій, изъ которыхъ, впрочемъ, многія, отвѣчая назрѣвшимъ надобностямъ, были болѣе или менѣе существенными отступленіями отъ первообраза. Эти законодательныя поправки красной нитью, съ небольшими перерывами, тянутся черезъ первыя десятилѣтія новаго суда. О численности ихъ можно судить по тому, что къ первой половинѣ 1894 г.—времени учрежденія Коммисіи для пересмотра—ихъ накопилось болѣе 700 и только одинъ ихъ голый перечень составилъ цѣлый (I) томъ матеріаловъ, подготовленныхъ для Коммисіи. Направленіе и содержаніе такихъ дополнительныхъ узаконеній было весьма разнообразное, но въ большинствѣ ихъ сквозило недовольство существующимъ, неполное довѣріе къ тѣмъ или инымъ сторонамъ новаго судоустройства и судопроизводства и стремленіе видоизмѣнить ихъ согласно требованіямъ государственной пользы, какъ они понимались въ соотвѣтствующія эпохи. Бо̀ль-

шая часть новеллъ касалась предметовъ единичныхъ и второстепенныхъ, но были и такія, которыя захватывали въ глубь и въ ширь цѣлые судебные институты и радикально измѣняли все ихъ построеніе, вовсе не находясь при этомъ во взаимномъ органическомъ соотношеніи. Въ видѣ рельефныхъ примѣровъ довольно вспомнить законы 1878. 1887 и 1889 г.г. о составѣ и компетенціи суда присяжныхъ, 1885 г. о судебномъ надзорѣ, 1887 г. объ ограниченіи судебной публичности и особенно положеніе и правила 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ, вошедшія глубокимъ клиномъ въ зданіе, возведенное Судебными Уставами. Тотъ же характеръ вынужденныхъ обстоятельствами поправокъ носили нѣкоторыя административныя мѣры по управленію судебнымъ вѣдомствомъ, какъ, напримѣръ, послѣдовательная и повсемѣстная замѣна несмѣняемыхъ Судебныхъ Слѣдователей исправляющими эту должность и потому смѣняемыми чинами. Значительно отошли отъ первоначальнаго типа новаго суда постановленія о примѣненіи его къ окраинамъ, отличавшіяся чрезвычайнымъ и чрезмѣрнымъ разнообразіемъ. Замедлилось и территоріальное расширеніе судебной реформы, встрѣ-

чавшее различныя препятствія и отодвинутое на десятки лѣтъ вмѣсто того, чтобы завершиться, какъ сначала предполагалось, вскорѣ по изданіи Судебныхъ Уставовъ. Въ подготовительныхъ сферахъ не переставала производиться разработка касающихся ихъ предположеній: въ Министерствѣ Юстиціи—объ отдѣльныхъ учредительныхъ и процессуальныхъ исправленіяхъ, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ—о распространеніи судебно-административныхъ учрежденій, въ различныхъ казенныхъ управленіяхъ—объ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства дѣлъ казны, при томъ едва-ли въ смыслѣ развитія принциповъ судебной реформы. Къ началу девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, положеніе нашей реформированной юстиціи отнюдь не могло считаться упроченнымъ и яснымъ; ее окружала смутная атмосфера колебанія и шаткости, около нея и даже въ ней самой бродили противорѣчивыя, еще неопредѣлившіяся вѣянія, во всякомъ случаѣ, не способствовавшія безмятежному ходу правосудія. Не смотря на все уже сдѣланное, не смотря на множество изъятій и ограниченій, которыя, такъ сказать, наросли посторонними придатками на основномъ корпусѣ Судебныхъ Уставовъ

и извѣстные отдѣлы ихъ измѣнили до неузнаваемости, даже нельзя было признать законченнымъ первый острый періодъ житейскаго на нихъ воздѣйствія. Не прекращались ожиданія дальнѣйшихъ измѣненій, имѣющихъ мало общаго съ воззрѣніями 1864 г. и обращенныхъ не впередъ, къ прогрессу, а скорѣе вспять, къ прежнимъ, дореформеннымъ порядкамъ. Такъ, намѣчалось учрежденіе надъ кассаціоннымъ судомъ Правительствующаго Сената особаго высшаго совѣстнаго судилища, возвращеніе къ старой ревизіи вмѣсто кассаціи, мѣры къ стѣсненію суда присяжныхъ и адвокатуры, упоминалось о своевременности внести ограниченія въ отдѣльность и самостоятельность суда, о томъ, что, вообще, нужно предпринять болѣе рѣшительныя мѣры къ сглаженію особенностей и преимуществъ судебнаго устройства и судебной дѣятельности. И какъ бы вѣщимъ подтвержденіемъ всей серьезности нѣкоторыхъ изъ подобныхъ предположеній послужило образованіе, весною 1893 года, Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Н. И. Стояновскаго, для разсмотрѣнія всеподданнѣйшей записки Министерства Юстиціи по этимъ предметамъ. Тѣмъ временемъ и въ самомъ судеб-

номъ вѣдомствѣ обнаруживались тревожные признаки невзгодъ отъ матеріальной необезпеченности и скудости, отъ непосильнаго труда, преждевременно подтачивающаго силы, отъ пониженія бодрости и идейныхъ настроеній подъ гнетомъ тягостной и подавляющей обстановки. Выяснились серьезные недостатки и въ ходѣ правосудія, раздавались не всегда неосновательныя жалобы на формализмъ и медленность судебныхъ дѣйствій, на странные приговоры присяжныхъ, на неудовлетворительность слѣдственной части, на неправильности въ адвокатурѣ. Все это получало многоцвѣтную окраску и трактовалось на разные лады, подъ различными углами зрѣнія, смотря по тому, какое направленіе пользовалось судебными недочетами для своихъ цѣлей. Было очевидно, что судебное дѣло и судебныя установленія находятся въ состояніи критическомъ и переходномъ, которое, конечно, могло длиться долго, но не безконечно и не безъ вредныхъ послѣдствій, хотя бы оттого, что оно должно было крайне неблагопріятно отразиться и на судящихся, и на судящихъ, подрывая довѣріе и уваженіе въ обывателяхъ, вселяя смуту и безпокойство въ служебные ряды. Судимые, судящіеся не знали,

хорошъ ли судъ, гдѣ имъ приходится судиться, судящимъ угрожало разстройство и приниженность—плачевный удѣлъ среды, обреченной на перерожденіе и неувѣренной въ завтрашнемъ днѣ. Нужно было безотлагательно искать выхода и, во что бы то ни стало, такъ или иначе, вывести суды изъ зыбкаго и сумрачнаго перепутья въ широкое и свѣтлое русло спокойнаго самосовершенствованія. Ближайшихъ исходовъ представлялось нѣсколько, но всѣ они не достигали высокой цѣли, преслѣдуемой законодателемъ. Повидимому, было бы всего проще не придавать особаго значенія недоброжелательству, пренебречь враждой, но вѣдь они, тѣмъ не менѣе, препятствовали мирной работѣ и свободному развитію новыхъ судебныхъ установленій. Къ тому же, даже условный успѣхъ реакціи противъ нихъ, всетаки добивавшейся къ себѣ вниманія, уже не доказывалъ ли, что не все въ нихъ обстоитъ благополучно, что у нихъ есть слабыя, легко уязвимыя мѣста, ничѣмъ не огражденныя отъ мѣткаго удара? Возможно было также, по прежнему, идти проторенной дорогой постепенныхъ, частичныхъ измѣненій и исправленій, по мѣрѣ того, какъ на нихъ наталкивали обстоятельства и практи-

ческія соображенія. Но это средство, уже неоднократно испробованное, едва ли не исчерпанное тридцатилѣтнимъ опытомъ, не привело ни къ чему положительному и окончательному въ смыслѣ упорядоченія, никого не удовлетворило и не успокоило, не избавило судъ отъ подозрѣній и укоровъ и не устранило существенныхъ къ нимъ поводовъ. Зато отрицательные результаты были налицо: Судебные Уставы все болѣе и болѣе покрывались сѣтью дополнительныхъ узаконеній и съ каждымъ годомъ увеличивалась пестрая сбивчивость дѣйствующихъ судебныхъ правилъ. Открывался, пожалуй, еще выходъ — предоставить вещи ихъ исторической участи, не бороться, защищая незыблемость судебныхъ основъ, и предаться узкой злобѣ дня въ заботахъ о наилучшемъ отправленіи правосудія по конкретнымъ дѣламъ и случаямъ. Но отъ такого квіэтизма было бы уже недалеко и до того, чтобы молчаливо согласиться съ нападающими и не возражать противъ ихъ взглядовъ на юстицію и нужныя въ ней передѣлки, въ лучшемъ случаѣ заимствованныя изъ слегка исправленнаго прошлаго. Кто же изъ любящихъ свое дѣло дѣятелей, кто изъ сознательно преданныхъ ему работниковъ былъ бы склоненъ

къ такому самоубійственному отреченію отъ своего возвышеннаго судебнаго призванія, тѣмъ болѣе, что нельзя было и приблизительно предвидѣть, до чего дойдетъ, на чемъ остановится обратное стремленіе. И во главѣ другихъ не могъ пойти на это никто изъ тѣхъ, кто Высочайшимъ довѣріемъ былъ поставляемъ на стражѣ Царскаго суда и слѣдовательно—его коренныхъ устоевъ, освященныхъ Именемъ Царя Освободителя. Хотя, однажды, знаменитый публицистъ, жестоко нападая на новые суды, въ порывѣ полемическаго пафоса и рѣшился язвительно назвать Министра Юстиціи «посланникомъ правительства при судебной республикѣ», но и эта, болѣе насмѣшливая и эффектная, чѣмъ основательная и умѣстная, метафора была не въ состояніи извратить его прирожденной миссіи—заступника, печальника суда и его законовъ.....

Подъ взаимодѣйствіемъ подобныхъ обстоятельствъ и условій сложилась мысль о неизвѣданномъ еще способѣ выработать и провести необходимыя судебныя улучшенія. Мысль эта возникла изъ наблюденія надъ преобладающими причинами неудовлетворительности и безуспѣшности примѣненныхъ раньше мѣръ. Та-

кихъ причинъ, повидимому, было двѣ: во 1-хъ, неясность, неполнота, а иногда и ошибочность представленія о томъ, какъ многіе судебные вопросы стоятъ въ дѣйствительности, среди повседневнаго, будничнаго круговорота бытовой и гражданской жизни, и въ чемъ могли бы заключаться вѣрнѣйшія ихъ рѣшенія, и во 2-хъ, тѣсная связь между различными отраслями и правилами правосудія, не позволяющая коснуться одного предмета, безъ немедленнаго, бо̀льшаго или меньшаго воздѣйствія или вліянія и на другой. Вслѣдствіе этого, при настойчивомъ желаніи не повторять прежнихъ неудавшихся попытокъ, предстояло сначала съ точностью опредѣлить судебные недуги, сперва поставить имъ діагнозъ, а затѣмъ уже назначать леченіе, т. е. проектировать мѣропріятія. Для того же, чтобы отнять у нихъ отпечатокъ отрывочности и случайности, эту работу нужно было совершить совмѣстно и одновременно по всѣмъ статьямъ Судебныхъ Уставовъ и тщательно перебрать всѣ элементы судебной части такъ, чтобы всюду устранить плохое, но при этомъ и не испортить переплетающееся съ нимъ хорошее. Казалось, правильнѣе и полезнѣе послѣдовательно провѣ-

рить и прослѣдить шагъ за шагомъ всѣ органы, всѣ стадіи и фазисы суда, чѣмъ вырывать изъ общей цѣпи то или другое звено ея и, измѣняя какую либо частность внѣ соображенія съ сопредѣльнымъ пунктомъ, тѣмъ самымъ потрясать, расшатывать все зданіе. При этомъ представлялось необходимымъ, переходя отъ одного постановленія къ другому, не обходя ни крупнаго, ни мелкаго, никогда не терять изъ виду всей ихъ совокупности, всего строенія и экономіи цѣлостной юстиціи. Такъ выросла рѣшимость, прекративъ разрозненныя попытки, объединить всѣ мѣры къ улучшенію суда въ одно систематическое цѣлое, соединить ихъ однимъ общимъ планомъ, по которому и пересмотрѣть всѣ судебныя узаконенія съ точки зрѣнія справедливости и пользы, въ тѣхъ видахъ, чтобы измѣнить дѣйствительно въ томъ нуждающееся, а остальное вновь и по возможности надолго подтвердить мотивированнымъ его сохраненіемъ. Этотъ обширный и сложный трудъ надлежало исполнить не спѣша, но и не откладывая въ долгій ящикъ, и при томъ непремѣнно наличными силами заинтересованнаго въ немъ вѣдомства. Вмѣсто того, чтобы кажущеюся медлительностью и

близорукимъ равнодушіемъ давать пищу предположеніямъ о самонадѣянной замкнутости и упорномъ нежеланіи приступить къ самоисправленію, простое благоразуміе и чувство профессіональнаго долга и достоинства побуждало насъ взять эту задачу въ собственныя руки и безбоязненно двинуться навстрѣчу и дѣльнымъ, и мнимымъ обвиненіямъ. Какъ ревностные слуги Царя и отечества, мы сами лучше и ближе всѣхъ должны были знать все, что у насъ есть несовершеннаго, и сами же могли указать необходимыя поправки, возможныя безъ поврежденія нашихъ основъ и съ удовлетвореніемъ вопіющихъ нашихъ нуждъ. При такомъ начертаніи предлежащаго пути, когда не разрушеніе, а изученіе, упорядоченіе и согласованіе являлись его лозунгомъ, нечего было опасаться какихъ либо неожиданностей или излишествъ въ нововведеніяхъ. Древніе говорили: «quieta non movere», мы переводимъ: «отъ добра добра не ищутъ»—и этихъ умныхъ изрѣченій фактически нельзя забыть, если законодательный пересмотръ направленъ не на отдѣльные институты и узаконенія, а сразу, цѣликомъ, на весь судебный кодексъ, который уже однимъ своимъ объемомъ затрудняетъ всякое опрометчивое или

легковѣсное новаторство. Что же касается обратной крайности, то чрезмѣрную осторожность и сдержанность проектированныхъ измѣненій всегда восполнитъ рѣшительность законодателя, тѣмъ легче, что ему предлагаются не односторонніе доводы и мотивы, а весь объективно собранный и правильно освѣщенный матеріалъ, т. е. именно то, что нужно для вѣрныхъ выводовъ. Наконецъ, едва ли слѣдуетъ серьезно говорить о слишкомъ будто бы короткомъ срокѣ дѣйствія новыхъ судовъ, какъ о помѣхѣ къ пересмотру. Наименованіе этихъ судовъ «новыми» теперь уже анахронизмъ—черезъ годъ Судебнымъ Уставамъ минетъ сорокъ лѣтъ существованія, и спрашивается, сколько же ждать для капитальнаго ремонта сооруженія, которое было выстроено искусно и величаво, но, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ воздуха и почвы, сверху до низу дало не мало зловѣщихъ трещинъ.

Мнѣніе о преимуществѣ полнаго пересмотра судебныхъ законовъ передъ другими средствами улучшенія судебной части у насъ, впрочемъ, отнюдь не ново; оно выдвигается каждый разъ, какъ созрѣваетъ потребность въ общемъ обновленіи правосудія. Давно, въ 1836 году, во

всеподданнѣйшемъ докладѣ тогдашняго Министра Юстиціи Дмитрія Васильевича Дашкова о начатіи законодательныхъ работъ по измѣненію судопроизводственныхъ законовъ были предложены два къ тому способа: «отдѣльный» и «систематическій», который «долженъ состоять «въ томъ, чтобы обозрѣть всѣ статьи судопро«изводства въ ихъ совокупности, составить «сначала общія начала къ ихъ исправленію, «а потомъ произвести сіе исправленіе однимъ «общимъ положеніемъ». Императоръ Николай Павловичъ избралъ и утвердилъ именно этотъ послѣдній способъ, и если онъ въ то время не имѣлъ успѣха, то не по неисполнимости своей, а по причинамъ чисто внѣшнимъ и постороннимъ. Въ этомъ же цѣльномъ и систематическомъ порядкѣ тридцать лѣтъ спустя было выполнено судебное преобразованіе Императора Александра Николаевича и нынѣ, когда рѣчь идетъ о будущности Его учрежденій, мы, извѣрившись въ значеніе и полезность отдѣльныхъ передѣлокъ и поправокъ, естественно вновь обращаемся къ методическому средству. И замѣчательно, что въ то время, какъ *противъ* него нерѣдко выставляютъ интересы цѣлости и сохранности Судебныхъ

Уставовъ, *за* него рѣшительно высказываются старѣйшіе и авторитетнѣйшіе представители судебнаго вѣдомства въ лицѣ Сенаторовъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Эти компетентные дѣятели, которыхъ нельзя заподозрить въ небреженіи о благѣ и процвѣтаніи суда, единогласно признали, въ Ноябрѣ 1893 года, по поводу переданной на ихъ заключеніе упомянутой уже записки Министерства Юстиціи, что «желательное устраненіе недостат-«ковъ» (Судебныхъ Уставовъ) можетъ быть «сдѣлано только путемъ систематическаго, по «извѣстному плану производимаго, пересмо-«тра» и что «всѣ частныя передѣлки, не «смотря иногда на кажущуюся ихъ цѣлесо-«образность, приводятъ къ совершенно проти-«воположнымъ результатамъ при сопоставленіи «съ другими частями уставовъ».

Не безъинтересенъ въ томъ же отношеніи и опытъ западно-европейскихъ государствъ, опередившихъ насъ въ судебномъ законодательствѣ. Хотя сравненіе и не можетъ служить сколько нибудь рѣшающимъ мотивомъ, а подражаніе было даже, безъ достаточнаго, впрочемъ, къ тому основанія, не разъ поставляемо въ вину Судебнымъ Уставамъ, но, тѣмъ не

менѣе, свѣдѣнія о положеніи на Западѣ занимающаго насъ вопроса полезны, какъ показатель общаго его значенія въ законодательномъ обиходѣ всѣхъ цивилизованныхъ странъ Европы. Тамъ прогрессивное развитіе законовъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ шло въ истекшемъ столѣтіи также двумя путями: во 1-хъ, посредствомъ изданія цѣлаго ряда отдѣльныхъ узаконеній, которыми загромождались кодексы, и во 2-хъ, посредствомъ обновленія самыхъ кодексовъ на основаніи систематическаго ихъ пересмотра. Первый путь, частичныхъ измѣненій, въ достаточной мѣрѣ испытанный на Западѣ, въ особенности во Франціи, Бельгіи и Италіи, привелъ существующія въ нихъ процессуальныя системы къ непримиримымъ противорѣчіямъ, которыя крайне затрудняютъ отправленіе правосудія и даже нерѣдко лишаютъ нововведенія, вводимыя въ устарѣлые законы, всякаго практическаго смысла. Эти отрицательныя стороны улучшенія процессуальнаго законодательства отдѣльными новеллами сознаются въ западной Европѣ все болѣе и болѣе, вслѣдствіе чего, въ послѣднее время, отдается замѣтное предпочтеніе второму пути, т. е. полному пересмотру судебныхъ уложеній и замѣнѣ ихъ

новыми. *Во Франціи*, гдѣ сохраняютъ силу наиболѣе старыя изъ современныхъ процессуальныхъ кодексовъ, издана въ дополненіе къ нимъ такая масса отдѣльныхъ усложняющихъ законовъ, что, уже съ 1870 г., былъ предпринятъ систематическій пересмотръ самыхъ крупныхъ частей процессуальнаго законодательства, какъ напримѣръ, предварительнаго слѣдствія и преданія суду. Эти труды еще не возымѣли осуществленія, но въ средѣ французскихъ юристовъ, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, все громче и громче раздаются голоса о неотложной необходимости кореннаго пересмотра судоустройства и судопроизводства. Въ нынѣшнемъ году, при Палатѣ депутатовъ образована подъ предсѣдательствомъ депутата Крюппи большая, изъ 33 членовъ состоящая, коммисія общаго судебнаго преобразованія.

Въ Бельгіи, гдѣ дѣйствуетъ французскій code dinstruction criminelle 1810, еще въ 1850 году, начатъ пересмотръ уголовнаго процесса. Въ семидесятыхъ годахъ онъ былъ законченъ, но до сихъ поръ, закономъ 17 Апрѣля 1878 года, утверждены лишь общія положенія проекта, представленнаго при докладахъ извѣстнаго Тониссена. Дѣйствующій *въ Италіи*

уставъ уголовнаго судопроизводства, составляющій воспроизведеніе французскаго устава, былъ изданъ въ 1865 году, причемъ съ тѣхъ поръ, или, точнѣе, съ 1866 года, правительство не переставало разработывать, для улучшенія его, отдѣльные законопроекты, не удостоившіеся, однако, законодательной санкціи. Таковы слѣдовавшіе одинъ за другимъ проекты Де-Фалько, Селла, Вилла, Тавани и Феррари. Въ настоящее время, въ Италіи задумано систематическое преобразованіе процесса по почину бывшаго Министра Юстиціи Финочіаро Априле, который учредилъ, въ 1898 году, съ этой цѣлью особую коммисію изъ 10 членовъ, преобразованную, затѣмъ, въ Іюнѣ нынѣшняго года и работающую подъ предсѣдательствомъ Министра. Труды ея представляютъ очень много интереснаго въ оригинальной и новой постановкѣ нѣкоторыхъ процессуальныхъ институтовъ. *Испанія*, въ которой сравнительно недавно, въ 1882 г., изданъ уставъ уголовнаго судопроизводства, дополненный закономъ 1888 г. о судѣ присяжныхъ, нынѣ приступила къ систематическому пересмотру гражданскаго судопроизводства. *Въ Даніи*, королевскимъ рескриптомъ 11 Мая 1892 года, для судебнаго пересмотра была орбазована

коммисія, составившая и отпечатавшая, въ концѣ 1901 г., подробно мотивированные полные проекты судоустройства и судопроизводства уголовнаго и гражданскаго. Дѣйствующіе *въ Австріи* уставы уголовнаго судопроизводства 1873 г. и гражданскаго 1895 г. являются едва ли не лучшими изъ современныхъ континентальныхъ кодексовъ процесса, почему въ этой странѣ не ощущается пока необходимости въ судебномъ пересмотрѣ. Иначе обстоитъ дѣло *въ Германіи*, гдѣ, не смотря на изданіе въ концѣ 70-хъ годовъ обще-имперскаго судебнаго законодательства, правительство, еще въ 1894 г., внесло въ Рейхстагъ обширный законопроектъ о частичномъ измѣненіи учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовнаго судопроизводства, но послѣ многихъ парламентскихъ перипетій онъ утвержденія не получилъ и неоднократно подвергался переработкѣ. При этомъ многими юристами было обращено вниманіе на неудобство и нежелательность частичной ломки процессуальнаго законодательства, которое, если нуждается въ преобразованіи, то лишь въ систематическомъ. Наконецъ, во многихъ западноевропейскихъ странахъ за недавніе годы изданы совершенно новые судебные кодексы посред-

ствомъ пересмотра прежнихъ: таковы уставы Норвегіи 1887 г., Босніи и Герцеговины 1891 г., Венгріи 1896 г., Болгаріи 1898 г. и различныхъ Швейцарскихъ кантоновъ 1891, 1893, 1895 и 1899 г.г. Такимъ образомъ, систематическое теченіе въ вопросѣ о судебныхъ улучшеніяхъ должно быть признано преобладающимъ, послѣднимъ словомъ европейской законодательной практики и техники въ этой области. Намъ это, конечно, не указъ, даже не наставленіе, но все таки, и для насъ это поучительная справка.

Исполненный нами пересмотръ, еще за долго до внесенія его данныхъ на уваженіе законодательной власти, уже принесъ извѣстныя выгоды для судебной части, какъ это, впрочемъ, и предвидѣлось при его начатіи. Такъ, прежде всего, онъ позволилъ терпѣливо ожидать окончанія предпринятаго колоссальнаго труда. Въ основательномъ упованіи на то, что всѣ затрогиваемые интересы будутъ взвѣшены, противорѣчія согласованы и выяснившіяся потребности уважены, возбужденіе утихло, страсти улеглись и судъ могъ спокойнѣе отдаться своему, все болѣе и болѣе усложняющемуся, дѣлу. По образному выраженію одного изъ моихъ пред-

мѣстниковъ, нашъ судъ находится какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ, отовсюду открытый любопытнымъ взорамъ и пытливому касательству. Теперь надъ нимъ была опущена прозрачная, но крѣпкая предохранительная завѣса всесторонняго и безпристрастнаго изслѣдованія и исправленія. А между тѣмъ какъ длилась эта кропотливая, неустанная работа, итоги которой передъ Вами, настала долго жданная, давно желанная возможность нѣсколько поднять упавшій духъ судебныхъ тружениковъ и—что всего важнѣе — закончить введеніе судебной реформы на всемъ пространствѣ нашей великой родины. Знаменательны и драгоцѣнны были начертанныя по этому поводу Всемилостивѣйшія слова: «**Буду счастливъ, когда наша матушка «Россія станетъ благоустроенною, по крайней мѣрѣ, «въ правосудіи скоромъ, безпристрастномъ и близ-«комъ къ народу почти на всей ея необъятной «площади**». Разсѣялся мракъ, сгущавшійся надъ судебнымъ міромъ и, среди бодро начатой самоповѣрки, радостнымъ благовѣстомъ прозвучало ему великодушное Высочайшее повелѣніе отъ 1 Іюля 1899 года объ объявленіи «**искрен-«ней благодарности всему судебному вѣдомству, «которое ревностно и честно, нерѣдко при тяже-**

«лыхъ условіяхъ выполняетъ свое высокое призваніе стоять на стражѣ закона». Ожившій русскій судъ, при всѣхъ невзгодахъ и тяготахъ своихъ, отнынѣ живетъ надеждой, что всѣ, и темныя, и свѣтлыя, стороны его будуть правдиво и широко открыты передъ проникновенной мудростію Верховнаго Законодателя.

II.

Подробныя свѣдѣнія о порядкѣ, въ которомъ былъ задуманъ и произведенъ пересмотръ судебныхъ законоположеній, изложены въ имѣющихся при дѣлѣ двухъ всеподданнѣйшихъ докладахъ и двухъ сообщеніяхъ моихъ при открытіи и закрытіи Коммисіи для пересмотра*). Не воспроизводя всего, тамъ приведеннаго, я ограничусь указаніемъ на болѣе выпуклыя черты исполненной работы съ внѣшней ея стороны, не оставшейся, разумѣется, безъ извѣстнаго вліянія и на внутреннюю. Сухіе факты сами по себѣ покажутъ, и независимо отъ ихъ оцѣнки,

*) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи Учрежд. Суд. Уст. Т. I стр. 65—93. Труды Высочайше учрежденной Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части Т. IX—Журналы № 1, 30 Апрѣля 1894 года и № 8. 5 Іюня 1899 года.

что слѣдуетъ и чего нельзя ждать отъ нашего труда.

Пересмотръ Судебныхъ Уставовъ не былъ и не могъ быть бюрократическимъ и канцелярскимъ дѣломъ министерскихъ учрежденій и чиновъ. Онъ выполненъ даже не въ совѣщательномъ, а въ строго коллегіальномъ порядкѣ, особою Высочайше учрежденною многочленною Коммисіей, въ которую, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, вошли, кромѣ представителей вѣдомствъ, свыше десяти Сенаторовъ, нѣсколько Оберъ-Прокуроровъ, всѣ высшія должностныя лица Министерства Юстиціи и до шестидесяти лицъ, наиболѣе извѣстныхъ въ юридической сферѣ своею ученою или практическою дѣятельностью. Этотъ составъ не былъ и однороднымъ и всего менѣе подобраннымъ въ какомъ либо направленіи. Наоборотъ, въ Коммисіи собрались и встрѣтились носители и выразители самыхъ различныхъ, иногда противоположныхъ, всегда самостоятельныхъ взглядовъ и мнѣній по судебнымъ вопросамъ. Изъ обмѣна и столкновенія нашихъ свободно высказываемыхъ воззрѣній мы и надѣялись извлечь всю ту долю истины, которая доступна серьезному и искреннему разсужденію.

Такой составъ имѣлъ свои неудобства вслѣдствіе неизбѣжной медленности въ преніяхъ, но онъ отличался и значительными преимуществами, такъ какъ обезпечивалъ разносторонность, безпристрастіе и объективность обсужденія. И потому, передъ закрытіемъ Коммисіи, я счелъ себя вправѣ сказать—и не боюсь повторить теперь—что мы старались соблюдать свободу и цѣльность мнѣній, выражавшихся по многоразличнымъ вопросамъ и предметамъ пересмотра. Выясняя ихъ всѣми средствами, мы стремились столковаться и всюду, гдѣ возможно, сгладить шероховатости и разнорѣчія. Но при этомъ, взаимно уважая чужое убѣжденіе, мы не боялись разномыслія и не насиловали своихъ воззрѣній натянутой аргументаціей или неохотными, неискренними уступками. Отсюда немалое количество мотивированныхъ разногласій и разрѣшеніе многихъ важныхъ и спорныхъ пунктовъ по большинству голосовъ. Этотъ откровенный и прямой исходъ казался намъ предпочтительнѣе искусственныхъ компромиссовъ съ ихъ непрочнымъ построеніемъ и сомнительною цѣнностью. Во всякомъ спорѣ мы считали себя обязанными прежде всего правильно поставить его сущность, а затѣмъ продуманно обосновать

предлагаемыя, хотя бы и различныя, рѣшенія. Тогда и законодатель, полагали мы, не будетъ затрудненъ въ выборѣ и выводѣ изъ обстоятельно подготовленныхъ и разъясненныхъ данныхъ.

По самому смыслу понятія о пересмотрѣ какихъ бы то ни было законовъ наша работа должна была обнимать собою двѣ составныя части: во 1-хъ, изслѣдованіе того, насколько судебныя узаконенія соотвѣтствуютъ своему назначенію, и, во 2-хъ, измѣненіе тѣхъ изъ нихъ, которыя безусловно въ томъ нуждаются, и, слѣдовательно, проектированіе новыхъ или вновь редактированныхъ статей закона. Въ практическомъ ходѣ занятій Коммисіи объ эти части иногда сливались и исполнялись совмѣстно и одновременно, но въ самой организаціи пересмотра надлежало ясно и точно опредѣлить и разграничить его существенные элементы. Сообразно дѣленію Судебныхъ Уставовъ, и Коммисія по ихъ пересмотру раздѣлилась на три отдѣла—судоустройства и судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, причемъ къ нимъ былъ присоединенъ еще отдѣлъ, названный первымъ и предназначенный вѣдать общіе вопросы пересмотра въ видахъ объединенія его началъ и

главныхъ отраслей, которыя, затѣмъ, по обработкѣ ихъ въ спеціальныхъ отдѣлахъ, подвергались окончательному разсмотрѣнію въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ Коммисіи. Дѣлопроизводство ея и вся редакціонная работа лежала на юрисконсультской части Министерства Юстиціи и въ ней образовался какъ бы центральный органъ всего труда. Въ открывшейся передъ нимъ области послѣдовательно выступали первоначальный текстъ Судебныхъ Уставовъ, узаконенія, изданныя въ дополненіе и измѣненіе ихъ за 30 лѣтъ ихъ дѣйствія (1864—1894), и всѣ многочисленные вопросы и надобности, выдвинутые за это время жизнью и практикой. Для того, чтобы овладѣть столь обширнымъ и обильнымъ поприщемъ, нужно было раньше собрать и привести въ систему необходимые матеріалы и изучить до мельчайшихъ подробностей истинное положеніе нашей судебной части. Сюда и принадлежитъ длинный рядъ добытыхъ данныхъ: богатый запасъ свѣдѣній и возникшихъ, но еще неосуществленныхъ, предположеній Министерства Юстиціи, отвѣты судебныхъ мѣстъ и лицъ на обращенные къ нимъ запросы, отзывы и замѣтки добровольцевъ дѣла, откликнувшихся на приглашеніе

Предсѣдателя Коммисіи оказать ей содѣйствіе, библіографическій указатель русской литературы о судѣ, сборникъ руководящихъ опредѣленій Правительствующаго Сената по надзору за судебной частью и цѣлый списокъ настоящихъ трактатовъ по отдѣльнымъ предметамъ судоустройства и процесса. Въ цѣляхъ изслѣдованія судебной части, зимой 1894—1895 г.г., было созвано совѣщаніе Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ по нѣкоторымъ вопросамъ программы пересмотра, а, въ теченіе 1895—1896 г.г., произведено систематическое обревизованіе всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи собственно для надобностей Коммисіи и по выработанному ею подробному плану. Эти пріемы и способы изслѣдованія дали поводъ при окончаніи работъ Коммисіи отмѣтить, какъ всеобъемлюща была раскрывшаяся передъ нею широкая сфера фактовъ, взглядовъ, наблюденій. На твердомъ фундаментѣ годами накоплявшагося опытнаго изученія, на яркомъ фонѣ неприкрашенной дѣйствительности, въ освѣщеніи вполнѣ компетентной критики предстала наша судебная часть, съ ея свѣтомъ и тѣнью, силой и слабостью, съ ея пробѣлами и недостатками, съ ея глу-

боко вросшими корнями и наносными, навѣянными придатками. Взаимно соприкасающіяся черты того, что есть, чего не должно быть, что нужно, обрисовались достаточно ясно и полно для оцѣнки. Разобраться въ этомъ сплетеніи, отдѣлить важное отъ несущественнаго, сопоставить противорѣчія, разъяснить сомнѣнія и формулировать возможныя рѣшенія—вотъ къ чему свелись подготовка, обсужденіе и вытекавшая изъ нихъ частью созидательная, частью редакціонная работа. Для приданія ей стройности, общіе и принципіальные или наиболѣе важные вопросы были выдѣлены и разсмотрѣны особо и притомъ такъ, что заключенія по нимъ Коммисіи явились руководствомъ при постепенной разработкѣ проектовъ судоустройства и судопроизводства. По первоначальномъ изложеніи этихъ послѣднихъ особыми редакторами, каждый изъ проектовъ проходилъ черезъ троекратное чтеніе въ различныхъ собраніяхъ Коммисіи, причемъ столько же разъ редактировался въ ея дѣлопроизводствѣ. Такимъ способомъ имѣлось въ виду достигнуть тщательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія всѣхъ поставленныхъ вопросовъ, а для того, чтобы оно не размѣнивалось на мелочи и не разбрасы-

валось въ частностяхъ, изъ за которыхъ иногда не видно цѣлаго, коммисіонныя сужденія останавливались и сосредоточивались на главномъ, предоставляя техническія подробности и эластичныя тонкости редакціи соглашенію нѣсколькихъ спеціалистовъ при ближайшемъ участіи всѣхъ руководителей работъ по пересмотру.

Форма, въ которую вылились эти работы, обусловлена ихъ характеромъ и цѣлью. Были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы какъ можно меньше отходить отъ основнаго законодательнаго текста. Составленные въ Коммисіи проекты образуютъ, въ ихъ совокупности, тѣ же Судебные Уставы, но лишь въ новомъ ихъ изложеніи, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя вызываются переработкой содержанія. Всюду, гдѣ являлась малѣйшая къ тому возможность, оставлена нетронутою прежняя редакція какъ вслѣдствіе ея высокихъ качествъ, такъ и потому, что съ ней давно освоились и свыклись судьи и граждане. Примѣнительно къ слогу и терминологіи Уставовъ изложены и новыя предположенія, особенно же вставки въ старый текстъ или частичныя въ немъ передѣлки. Проникнутые глубокимъ уваженіемъ къ

труду нашихъ предшественниковъ, мы воздерживались отъ всякихъ не безусловно необходимыхъ въ немъ поправокъ, стремясь и во внѣшнемъ отношеніи дать новое изданіе кодекса, близкое къ первоначальному и, въ то же время, отвѣчающее современнымъ требованіямъ отъ правосудія. Такъ же было поступлено при распредѣленіи частей и статей въ проектахъ. Вездѣ сохранена прежняя система, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ измѣнялась вся постановка дѣла, а съ нею и соразмѣрность его выраженія въ проектированныхъ статьяхъ. Тутъ система логически опредѣлялась содержаніемъ, усвоеніе котораго должно было привести и къ удобству пользованія. Мы утѣшаемъ себя мыслью, что въ работѣ нашей Судебные Уставы даже и наружно не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея. Если обозначить это соотношеніе въ самомъ названіи, то пришлось бы лишь продлить нынѣшнее заглавіе, напримѣръ, такъ: «*Судебные Уставы Императора Александра II, пересмотрѣнные, по повелѣнію Императора Александра III, въ Царствованіе Императора Николая II*».

Занятія Коммисіи по пересмотру судебныхъ законоположеній были закончены въ теченіе *пяти* лѣтъ, съ Мая 1894 по Іюнь 1899 г., и

затѣмъ еще полгода ушли на окончательную отдѣлку и печатаніе. Составленные проекты, вмѣстѣ съ объяснительными къ нимъ записками и всѣми матеріалами, были сообщены на заключеніе вѣдомствъ, въ Декабрѣ 1899 г. и въ Февралѣ 1900 г., а послѣдній вѣдомственный отзывъ поступилъ въ Августѣ 1901 г., послѣ чего Министерство Юстиціи могло закончить приготовленія къ внесенію проектовъ въ Государственный Совѣтъ, что и послѣдовало въ Декабрѣ того же 1901 года. Работы по пересмотру Судебныхъ Уставовъ обошлись казнѣ въ *100 т.* рублей, считая въ этой суммѣ всѣ издержки, не предусмотрѣнныя текущей общей смѣтой Министерства. Не намъ, само собою разумѣется, судить о томъ, насколько срокъ и стоимость нашихъ трудовъ соотвѣтствуютъ сдѣланному и оправдываются его итогами. И лишь ради точности полезно не упускать изъ виду, что никто изъ ихъ участниковъ не былъ освобождаемъ на время этихъ занятій отъ прямыхъ своихъ обязанностей; каждый охотно несъ двойную тяготу не за страхъ, но лишь за совѣсть. Въ этомъ нѣтъ, конечно, никакого подвига, а просто есть наличность такихъ условій, которыя при обозрѣніи работъ по пересмотру заслужи-

ваютъ быть отмѣченными. Коммисія имѣла всего *503* засѣданія; сколько же, независимо отъ нихъ, положено въ это дѣло, такъ сказать, домашняго или кабинетнаго труда, о томъ свидѣтельствуютъ его вещественные результаты. И, пожалуй, первое впечатлѣніе отъ этихъ $4^1/_2$ тысячъ вновь редактированныхъ статей, отъ этихъ десятковъ печатныхъ записокъ и томовъ можетъ даже удручать вниманіе. Однако, я не хотѣлъ бы смущаться неизбѣжною громоздкостью нашей работы и рѣшаюсь надѣяться, что именно здѣсь, въ Государственномъ Совѣтѣ, это едва ли будетъ ей вмѣнено въ упрекъ. Если внѣшнія очертанія и въ самомъ дѣлѣ грандіозны, то они лишь отвѣчаютъ громадному значенію предмета и отъ него вполнѣ зависятъ. Вѣдь разбирать эту работу, которая съ высоты Престола уже признана необходимою и трудною, будутъ не диллетанты, а государственные люди въ обычномъ всеоружіи познаній, опытности и трудолюбія. Мы же, въ свою очередь, сдѣлали и сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, для облегченія и упрощенія испрашиваемыхъ нами законодательныхъ рѣшеній.

По Высочайшему повелѣнію отъ 19 Мая 1899 г., вмѣстѣ съ сообщеніемъ трудовъ Ком-

мисіи на заключеніе вѣдомствъ, главныя части этихъ трудовъ были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, что вызвало рядъ критическихъ замѣчаній и сужденій о нихъ въ общей и въ юридической печати. Лучъ гласности и отголоски общественнаго мнѣнія присоединились къ отзывамъ правительственныхъ органовъ и тѣмъ расширили кругозоръ работъ по пересмотру. Полученныя, такимъ образомъ, оффиціальныя заключенія и частныя мнѣнія послужили для Министерства Юстиціи поводомъ къ значительной переработкѣ первоначальныхъ предположеній. Въ этихъ отзывахъ поднято не мало интереснѣйшихъ вопросовъ и приведены аргументы, которые мы нашли достаточно убѣдительными для измѣненія надлежащихъ частей въ проектахъ Коммисіи. Но со многимъ въ сообщенной намъ вѣдомственной и общественной критикѣ мы не сочли возможнымъ согласиться и будемъ стойко отстаивать наши взгляды по крайнему разумѣнію нами задачъ правосудія. Къ подобному образу дѣйствій у насъ есть и твердое основаніе въ тѣхъ общихъ свойствахъ, которыя мы стремились придать своему труду. Мы хотѣли укрѣпить въ нашемъ судѣ все истинно хорошее, исправить недо-

статки, но безъ лишней ломки, восполнить пробѣлы, но безъ теоретическихъ измышленій. Не игнорируя никакихъ серьезныхъ указаній, мы обратились къ огромному запасу судебнаго опыта, воспользовавшись при этомъ долею своего личнаго въ немъ участія—и онъ показалъ намъ, куда идти, что измѣнить, чего не трогать. Зная, какъ въ житейскомъ обиходѣ происходитъ черновая и закулисная работа судоотправленія, мы не стѣснялись ни доктриной, ни возраженіями, когда находили, что та или другая мѣра достаточно обусловливается потребностями правосудія и интересомъ населенія. Такой пріемъ не блещетъ красивыми эффектами и не сулитъ дешевой популярности; зато онъ чутко отзывается на уважительные запросы гражданскаго оборота и обѣщаетъ больше прочности. Такъ совершенъ былъ судебный пересмотръ, нынѣ повергаемый на законодательное благовоззрѣніе.

III.

Всякое существенное измѣненіе въ законодательствѣ и учрежденіяхъ только тогда желательно и цѣлесообразно, когда оно соотвѣтствуетъ, съ одной стороны, твердо установ-

леннымъ, основнымъ началамъ, а съ другой, опредѣленной, настоятельной, практической потребности. Нововведеніямъ, которыя не удовлетворяютъ этимъ условіямъ, грозитъ участь всѣхъ безпочвенныхъ и произвольныхъ экспериментовъ: они не прививаются или, встрѣчаясь съ жизнью, уступаютъ ея давленію, остаются безъ ощутительныхъ послѣдствій, или приносятъ одинъ лишь вредъ. Что касается до судебныхъ улучшеній, то здѣсь, очевидно, нечего искать иныхъ основныхъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя Высочайшею волею начертаны на памятникѣ судебной реформы 1864 г., какъ общее руководство преобразованному правосудію. Судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ, высоко поставленная, независимая судебная власть, повсюду, въ высшемъ, какъ и въ низшемъ, утверждающая уваженіе къ закону—таковъ идеалъ, воздвигнутый законодателемъ передъ судебнымъ вѣдомствомъ—завѣтъ, ничѣмъ не изгладимый съ его знамени. Сколько бы ни злоупотребляли этими словами, приводя ихъ иногда не къ мѣсту или не во время, они никогда не утратятъ своего величія и мощи, никогда не перестанутъ управлять судьбами достойной этого имени юстиціи уже по одному

тому, что въ нихъ ключъ къ судебной истинѣ. Только тотъ судъ можетъ быть дѣйствительнымъ органомъ закона, вѣрнымъ проводникомъ справедливости, надежнымъ органомъ правительства и прочной опорой общественнаго порядка, который, во всей своей постановкѣ, совмѣщаетъ эти требованія или, по крайней мѣрѣ, къ нимъ приближается. Поэтому къ осуществленію и соблюденію ихъ слѣдуетъ стремиться при всякомъ преобразованіи въ судебной сферѣ, не теряя этого изъ виду при рѣшеніи какихъ либо ея вопросовъ. При всей элементарности и отвлеченности перечисленныхъ свойствъ суда, они составляютъ его pia desideria, его высшія конечныя задачи и съ ними должно быть сообразовано всякое воздѣйствіе на судебный строй. Поддерживаемые этими мыслями, мы приступили къ пересмотру съ глубокою увѣренностью, что цѣли правосудія лучше всего достигаются примѣненіемъ въ устройствѣ и дѣятельности суда тѣхъ основъ, которыя уцѣлѣли при всѣхъ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ Судебные Уставы послѣ ихъ изданія, и этимъ доказали свою живучесть. Такихъ основъ суда немного и каждая изъ нихъ допускаетъ немало практическихъ оттѣнковъ и

приспособленій, даже изъятій, но въ главномъ онѣ должны быть неприкосновенны. Сюда относятся: устность, гласность, состязательность процесса, раздѣленіе судебныхъ функцій, охрана правъ личности передъ судомъ, разрѣшеніе судебныхъ дѣлъ по внутреннему убѣжденію совѣсти, непоколебимость законной силы судебнаго приговора или рѣшенія, самостоятельность суда и независимость судей, цензъ и преимущества судебной службы, участіе въ судѣ общественнаго элемента, правильное соотношеніе немногочисленныхъ судебныхъ инстанцій подъ руководящимъ главенствомъ Правительствующаго Сената, прокурорскій надзоръ съ его двойственнымъ обвинительнымъ и законоохранительнымъ призваніемъ, корпоративная адвокатура и нѣкоторые другіе основные принципы и учрежденія большей или меньшей важности.

За сохраненіемъ этихъ незамѣнимыхъ судебныхъ институтовъ, которые, по всеобщему признанію, служатъ лучшимъ ручательствомъ правомѣрности суда, въ его теперешнемъ у насъ состояніи обнаруживается рядъ несовершенствъ, требующихъ исправленія, рядъ потребностей, ждущихъ удовлетворенія. Они намѣчаются су-

дебною практикою, подсказываются наукою, печатью и заявленіями частныхъ лицъ. Важность и неотложность мѣръ, направленныхъ на эти больныя мѣста нашей судебной части, настолько не подлежатъ оспариванію, что, озабоченное ея улучшеніемъ, Министерство Юстиціи прямою силою вещей было побуждаемо включить ихъ въ свою программу. Но это улучшеніе трудно даже назвать реформой. Не приходится заново преобразовывать судъ, учрежденный въ 1864 г., достаточно его усовершенствовать и упорядочить. Если спросить разумныхъ, благонамѣренныхъ и свѣдущихъ русскихъ людей, чего они желаютъ въ судебной области, возвращенія ли къ старымъ, дореформеннымъ порядкамъ, созданія ли совершенно новыхъ органовъ и формъ правосудія вмѣсто существующихъ, или же внесенія въ дѣйствующія болѣе или менѣе значительныхъ, но систематическихъ поправокъ, безъ измѣненія существа и построенія теперешней юстиціи, едва ли можно сомнѣваться въ утвердительномъ отвѣтѣ только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Что бы ни говорили и ни писали противники нынѣшняго суда, Россія его оцѣнила, дорожитъ имъ и не пожертвуетъ безъ горя и боли его началами, не забудетъ и

его заслугъ, изъ которыхъ уже первая та, что онъ смѣнилъ стародавнее безсудіе или кривосудіе. Его отдѣльные недостатки, какъ бы важны они ни были, не заслоняютъ передъ непредубѣжденнымъ умомъ несомнѣнныхъ природныхъ его достоинствъ. Предстоитъ послѣдовательно исправить первые и бережно укрѣпить вторыя, особенно тамъ, гдѣ они вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь народа, глубоко укоренились въ гражданскомъ его быту. Отсюда, однако же, вовсе не вытекаютъ второстепенное значеніе и палліативный характеръ предположенныхъ усовершенствованій. Напротивъ, многія изъ нихъ могутъ и должны быть радикальны и съ принятіемъ и со введеніемъ ихъ очень многое измѣнится въ судебномъ строѣ, но, во всякомъ случаѣ, не поколеблется его основа, не будетъ нарушена гармонія его частей и дѣйствія, не спутаются уже сложившіяся понятія о правѣ и правосудіи, окрѣпшее не будетъ замѣнено гадательнымъ и шаткимъ. Словомъ, измѣненія въ судебныхъ узаконеніяхъ должны быть строго консервативныя по отношенію ко всему тому, что въ дѣйствующихъ установленіяхъ, по собраннымъ достовѣрнымъ даннымъ, оправдано, а не осуждено опытомъ и жизнью. «Теперь

рѣчь идетъ», какъ мѣтко выразился одинъ изъ руководителей пересмотра, «не о поднятіи не-«тронутой цѣлины, а о дальнѣйшей разработкѣ «уже воздѣланнаго поля, не о ломкѣ зданія, «а о перестройкѣ его» *).

Уже изъ сказаннаго видно, что пересмотръ задавался, между прочимъ, цѣлью всячески избѣгать крайностей и рѣзкостей въ вырабатываемыхъ предположеніяхъ. Это казалось тѣмъ необходимѣе, что онъ начался и производился среди двухъ противоположныхъ направленій, раздѣляющихъ цѣнителей отечественной юстиціи какъ бы на два враждебныхъ лагеря. Взгляды и стремленія обоихъ извѣстны, потому что ихъ утвержденія нерѣдко появляются и въ общественныхъ сужденіяхъ, и на страницахъ повременной печати. Возникаетъ рѣзкое противоположеніе, которое трудно обойти молчаніемъ при общемъ охарактеризованіи судебнаго пересмотра. Одни изъ критиковъ—небольшое меньшинство—считая всю судебную реформу и Уставы 1864 г. пагубною ошибкою, выставляютъ созданный ими судъ весьма неблагопріятнымъ элементомъ со-

*) Н. С. Таганцевъ—во вступительномъ сообщеніи въ первомъ засѣданіи III Отдѣла Коммисіи, 17 Мая 1894 г.

временности и болѣе или менѣе откровенно требуютъ уничтоженія или подрыва такихъ его краеугольныхъ камней, какъ отдѣльность и независимость судебной власти, судъ присяжныхъ. гласность и состязательность процесса, принципъ кассаціи, неперевершаемость вошедшихъ въ законную силу приговоровъ и рѣшеній. При этомъ, однако, или вовсе не указывается образцовъ для замѣны настоящихъ учрежденій, или предлагается замаскированное возвращеніе къ старымъ, дореформеннымъ порядкамъ. Другіе, болѣе многочисленные, высказываются не только за духъ и букву Судебныхъ Уставовъ 1864 года, но и за дальнѣйшее ихъ развитіе и даже измѣненіе въ смыслѣ большаго простора для общественной самодѣятельности и личной свободы, хотя бы и на счетъ государственнаго начала. Такъ, мечтаютъ о возстановленіи и введеніи выборной системы замѣщенія судейскихъ должностей, о полномъ самоуправленіи судебныхъ коллегій съ устраненіемъ или ограниченіемъ правительственнаго надзора, о расширеніи правъ адвокатуры, о состязательномъ слѣдствіи передъ неподвижнымъ слѣдователемъ—судьею, при защитѣ, вполнѣ уравненной съ государственнымъ обвиненіемъ, о безусловной публичности всѣхъ

слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій, о распространеніи суда присяжныхъ въ его теперешней организаціи на всѣ уголовныя дѣла и на всѣ мѣстности, не исключая и окраинъ, даже наименѣе культурныхъ, о совершенной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ, о широкомъ и непремѣнномъ вознагражденіи лицъ, оправданныхъ и освобожденныхъ отъ преслѣдованія. о даровомъ гражданскомъ правосудіи и проч. и проч. Эти направленія, между которыми есть посредствующія стадіи съ различными оттѣнками, намѣчаютъ противоположные полюсы легко увлекающейся и скорѣе публицистической, нежели юридической мысли. Едва ли нужно и доказывать, до какой степени подобныя крайнія воззрѣнія не выдерживаютъ критики ни съ точки зрѣнія здравыхъ догматическихъ ученій, ни со стороны практической пригодности. Уроки судебной исторіи, выводы теоріи, наблюденія судебной практики, требованія общественной пользы и прежде всего традиціонныя основы нашего государственнаго склада, наши географическія и этнографическія условія, особенности нашего общежитія—все предостерегаетъ отъ односторонности и увлеченій въ пониманіи того, чѣмъ надлежитъ быть

русскому суду и въ чемъ должны заключаться его улучшенія. Желательное отвращеніе отъ всякой тенденціи, искажающей въ корнѣ отношеніе къ правосудію, было отмѣчено при самомъ начатіи пересмотра и удостоилось особаго Монаршаго одобренія при разсмотрѣніи моего всеподданнѣйшаго доклада 6 Апрѣля 1894 года. Путь практическій, даже утилитарный, взглядъ безпристрастный и, по возможности, не узкій, мѣропріятія умѣренныя и осторожныя, отвѣчающія лишь трезвымъ и серьезнымъ указаніямъ дѣйствительности—далѣе не шла та трудно достижимая, но опредѣленная и прямая перспектива, которая явственно обозначалась передъ предпринятыми работами.

По внимательномъ соображеніи всѣхъ имѣвшихся данныхъ о состояніи судебной части и ея наиболѣе настоятельныхъ потребностяхъ, оказывалось необходимымъ объединить дѣйствующія нынѣ разнородныя судебныя учрежденія, согласовать разновременно изданныя о нихъ узаконенія и тѣмъ, хотя отчасти, уменьшить существующую въ нихъ пестроту и дробность, особенно въ отношеніи къ мѣстнымъ установленіямъ. Нужно было также приблизить судъ къ народу и, насколько возможно, упростить и

ускорить отправленіе правосудія. Затѣмъ надлежало утвердить на незыблемомъ и для всѣхъ ясномъ основаніи государственный и правительственный характеръ судебнаго вѣдомства и судебной службы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать болѣе ощутительное обезпеченіе и равновѣсіе въ судѣ какъ публичному интересу, закона и государства, такъ и интересу личному и частному, каждаго гражданина-обывателя. Наряду съ этимъ представлялось своевременнымъ укрѣпить и улучшить участіе въ судѣ общественнаго элемента, распространивъ, по возможности, его дѣйствіе и испытавъ новыя его формы. Далѣе, всѣ были единодушны въ желаніи, облегчивъ матеріальныя тягости судебнаго вѣдомства, въ то же время поднять и поддержать какъ нравственный его обликъ, такъ и умственный вѣсъ, и при этомъ провести, наконецъ, не разъ уже проектировавшееся, вполнѣ назрѣвшее преобразованіе адвокатуры. Согласно урокамъ опыта, подлежали тщательному исправленію обнаружившіеся недостатки и погрѣшности въ отдѣльныхъ судебныхъ учрежденіяхъ и правилахъ. Настойчиво и неотложно требовалъ категорическаго выясненія и осуществимой постановки финансовый и штатный вопросъ судебнаго

строя—этотъ двигательный, но разстроенный и наболѣвшій нервъ его существованія. Сообразно перечисленнымъ основнымъ задачамъ, въ Учрежденіи Судебныхъ Установленій и въ Уставахъ Уголовнаго и Гражданскаго Судопроизводствъ предположено множество болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій, число которыхъ доходитъ до 200 слишкомъ, если считать лишь главныя и касающіяся не редакціи, а самаго содержанія закона. Всѣ эти предположенія, по роду ихъ и для удобнѣйшаго обозрѣнія, легко пріурочиваются къ немногимъ капитальнымъ группамъ, гдѣ и стекается наибольшее количество споровъ и разномыслій, возникшихъ въ Коммиссіи, и возраженій, заявленныхъ вѣдомствами. Это центральные пункты всего дѣла, рядъ важныхъ, сложныхъ и, если такъ можно выразиться, боевыхъ вопросовъ, на которыхъ, вѣроятно, и остановится прежде всего вниманіе Соединенныхъ Департаментовъ.

Здѣсь на первомъ планѣ возбуждается многотрудная проблема наилучшаго построенія мѣстной юстиціи—этого фундамента всего зданія правосудія, фундамента уже потому, что именно изъ хода мѣстныхъ судебныхъ дѣлъ ежедневно слагается живое, непрерывное воздѣйствіе за-

кона и правды на жизнь народную. И трудно уклониться, если не отъ окончательнаго разрѣшенія, то хотя бы отъ сознательнаго и безпристрастнаго разъясненія этой задачи съ цѣлью опредѣлить, можно ли долѣе оставлять мѣстный судъ въ его настоящемъ положеніи и не нуждается ли онъ, пожалуй, болѣе чѣмъ многое другое въ судебной сферѣ, въ серьезныхъ поправкахъ и улучшеніяхъ? Кругъ этихъ послѣднихъ рисуется весьма обширнымъ—въ него входитъ и сопряженіе двухъ совершенно различныхъ вѣдомствъ по дѣламъ судебнымъ, и судьба множества такихъ судебныхъ дѣлъ, возникающихъ въ городахъ и не относящихся къ быту сельскаго населенія, а между тѣмъ производящихся внѣ вѣдѣнія общей въ государствѣ судебной власти, и возможная децентрализація подсудности, т. е. перенесеніе ея сверху внизъ, изъ столицы въ округъ, изъ губерніи въ уѣздъ, изъ уѣзда въ участокъ, какъ можно ближе къ обывателю. Отсюда идетъ и предположеніе объ учрежденіи для чисто судебныхъ дѣлъ особыхъ участковыхъ судей, отчасти взамѣнъ теперешнихъ городскихъ, и туда же направляются такія упростительныя мѣры, какъ сокращеніе коллегіаль-

ной и расширеніе единоличной подвѣдомственности, а также измѣненія въ организаціи обжалованія, клоняціяся къ ускоренію процесса. Въ тѣсной связи съ постановкой мѣстнаго суда находится устройство слѣдственной части, издавна вызывающее неблагопріятную оцѣнку, въ которой, однако же, слишкомъ мало значенія отводится именно мѣстнымъ практическимъ и бытовымъ условіямъ нашей юстиціи. Единоличный судья и слѣдователь—это два дѣятеля, наиболѣе непосредственно соприкасающіеся съ населеніемъ и его жизнью и потому особенно чутко воспринимающіе и воздающіе все, и дурное, и хорошее, что дается этимъ взаимодѣйствіемъ. Къ сожалѣнію, вопросы о томъ, какъ правильнѣе поставить того и другаго, настолько зависятъ отъ причинъ и соображеній общаго или во всякомъ случаѣ не судебнаго свойства, что коренное ихъ рѣшеніе при судебномъ пересмотрѣ является крайне затруднительнымъ и даже надѣяться на него мы не дерзаемъ, но уже одно приближеніе къ подобнымъ рѣшеніямъ, избраніе ведущаго къ нимъ вѣрнаго пути, было бы большимъ пріобрѣтеніемъ для судебнаго усовершенствованія. Слѣдуетъ ли затѣмъ распространяться о значеніи той огромной новѣ-

рочной работы, которой подвергнуты всѣ проявленія, всѣ фазисы и стадіи суда присяжныхъ? Онъ выходитъ изъ этой повѣрки съ основательными надеждами на обновленное существованіе, на охраненіе всего, что есть въ немъ крѣпкаго и цѣннаго, на устраненіе препонъ его успѣхамъ и развитію. Сочувствіе и довѣріе къ общественному участію въ правосудіи, какъ гражданскому долгу и повинности, отнюдь не мѣшаетъ,—наоборотъ, способствуетъ здоровому стремленію упорядочить это участіе и довести его до уровня трезвыхъ и разумныхъ общественныхъ же потребностей не только въ справедливости, но и въ безопасности, не только въ томъ, чтобы невинный не боялся осужденія, но и въ томъ, чтобы виновный не могъ разсчитывать на безнаказанность. Тогда то и становится на очередь предположенное испытаніе новыхъ формъ дѣйствія присяжнаго суда и намѣченное расширеніе его примѣненія къ дѣламъ и мѣстностямъ. Далѣе, предметомъ заботливости Коммисіи по пересмотру было служебное положеніе судебныхъ чиновъ во всѣхъ его видахъ и подробностяхъ. Отличительныя черты магистратуры, ея самостоятельность и независимость, ея коллегіальное устройство съ

извѣстными преимуществами и правами внутренняго самоуправленія оставляются неприкосновенными и даже получаютъ нѣкоторое практическое развитіе; лишь подчеркнуты такія постановленія, которыя исключаютъ всякій поводъ къ упрекамъ въ безотвѣтственности и ревнивой обособленности. По глубокому убѣжденію Коммисіи и Министерства провозглашенъ и послѣдовательно проводится принципъ правительственнаго назначенія всѣхъ судебныхъ чиновъ, вполнѣ совмѣстимый съ законною и разумною свободою судейской совѣсти и дѣйствія. Установляется единство судебной школы или источника для пополненія судебно-служебныхъ кадровъ, видоизмѣняется подготовка къ судебной дѣятельности, прилагаются старанія обезпечить служебное движеніе для старѣйшихъ и достойнѣйшихъ. Возвышаются почти всѣ оклады должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, въ отдѣльности въ размѣрахъ не особенно значительныхъ, но, въ общей сложности, на сумму довольно крупную. Это единственный предметъ увеличенія расходовъ, такъ какъ въ остальныхъ частяхъ проектируемое преобразованіе можетъ быть осуществлено на нынѣ отпускаемыя средства лишь съ добавленіемъ

къ нимъ вновь создаваемаго дохода казны отъ уравненія судебныхъ пошлинъ. Тутъ, несмотря на всю сдержанность представляемыхъ разсчетовъ, нельзя не предвидѣть финансовыхъ возраженій, но какъ бы вѣски и сильны они ни были, какія бы препятствія ими ни воздвигались, мы не можемъ, мы не вправѣ отказаться отъ своихъ ходатайствъ, участью которыхъ отчасти опредѣлится вся будущность русскаго суда. Да не будетъ допущена до нашего судебнаго сословія надвигающаяся на него гроза невыносимой тружеинческой бѣдности—этой роковой опасности для тружеинческаго достоинства. Недостаточность судебныхъ окладовъ какъ бы вошла въ пословицу, но она уже такъ долго и безнадежно длится, что къ ней начинаютъ какъ бы привыкать, а это опасный знакъ, если помнить, что судъ дешевый синонимъ суда плохаго. Мы справедливо гордимся непоколебимой честностью и чистотою нашей магистратуры, но не станемъ же опрометчиво испытывать это драгоцѣнное, святое свойство жестокими заботами о насущномъ хлѣбѣ! И потому большая и лучшая обезпеченность судебной службы стоитъ поистинѣ впереди и выше всѣхъ другихъ мѣропріятій по ея устройству.

Въ *судопроизводствѣ* какъ уголовномъ, такъ и гражданскомъ можетъ быть отмѣчена рѣшительная децентрализація кассаціоннаго производства посредствомъ перенесенія его по дѣламъ мѣстной единоличной подсудности изъ вѣдѣнія Правительствующаго Сената въ Судебныя Палаты. Это нововведеніе отступаетъ отъ отвлеченнаго начала кассаціоннаго единства, но, въ то же время, обусловливается серьезными и настоятельными надобностями нашей дѣйствительности; предстоитъ выбрать между стройной, но холодной и сухой теоріей, и кричащею, жгучею практикою жизни, между нѣкоторою невыдержанностью общихъ процессуальныхъ гарантій и неминуемой волокитой отдѣльныхъ маловажныхъ дѣлъ. Мы полагаемъ, что безусловное объединеніе кассаціи намъ, русскимъ, не по плечу, и не выдержитъ ни нашихъ разстояній, ни нашего судебнаго обремененія и, вслѣдствіе этого, при сохраненіи за Сенатомъ объединительнаго руководства, должно и можетъ быть замѣнено распредѣленіемъ кассаціонныхъ дѣлъ по высшимъ окружнымъ судилищамъ Имперіи. Это именно одинъ изъ тѣхъ спорныхъ общихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ имѣетъ повліять на детальное обсужденіе. Въ

частности *по уголовному судопроизводству* не лишнее упомянуть о такихъ существенныхъ его улучшеніяхъ, какъ коренное преобразованіе частнаго обвиненія и предсудимости, первый осторожный шагъ къ введенію защиты въ предварительное производство, измѣненія въ розыскѣ, дознаніи и слѣдствіи, облегченіе и сокращеніе процедуры преданія суду, установленіе для спѣшныхъ и несложныхъ уголовныхъ казусовъ судебныхъ приказовъ и особаго порядка неотложности, длинный рядъ важныхъ мѣръ къ устраненію нынѣшнихъ дефектовъ присяжнаго судопроизводства, первый опытъ регулированія вознагражденія за невинное привлеченіе къ отвѣтственности и многія другія мѣропріятія того же оттѣнка. Дальнѣйшій ихъ перечень завелъ бы слишкомъ далеко; достаточно сказать, что весь уголовный процессъ тщательно перебранъ и переработанъ по опытнымъ указаніямъ, причемъ то, что въ немъ оставлено неизмѣненнымъ, можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ успѣшно выдержало долголѣтній житейскій искусъ. Въ пересмотрѣнномъ *гражданскомъ* процессѣ преобладаютъ отдѣльныя техническія измѣненія и улучшенія. Ихъ много и всѣ они проникнуты

стремленіемъ облегчить какъ тяжущимся, такъ и суду доступъ къ дѣйствительной, а не формальной только истинѣ, и отвѣтить на многочисленные запросы и пробѣлы, указанные практикой. Проектировано все возможное для ускоренія и упрощенія тяжебныхъ порядковъ, уменьшена сложность и обременительность судебныхъ формальностей, заимствованы изъ другихъ законодательныхъ источниковъ нѣкоторыя правила доказанной пригодности. Изъ болѣе выдающихся нововведеній можно назвать: объединеніе торговаго, нынѣ совсѣмъ обособленнаго и устарѣвшаго судопроизводства съ общегражданскимъ, заново разработанное производство по исполненію рѣшеній и цѣлый, впервые въ этомъ полномъ видѣ излагаемый уставъ о дѣлахъ охранительныхъ, т. е. такихъ, которыя въ гражданскомъ обиходѣ всего ближе и чаще касаются всѣхъ и каждаго. Вообще, въ отношеніи существа вновь редактируемыхъ узаконеній о судѣ гражданскомъ, разработка поставленныхъ предначертаній облегчалась совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ всякаго политическаго элемента и, слѣдовательно, возможностью считаться только съ судебно-бытовыми условіями, безъ примѣси къ нимъ

привходящихъ требованій и вліяній, иногда посторонних прямой и главной цѣли судебной дѣятельности. Для редакторовъ проекта лишь изъ за правъ и интересовъ тяжущагося, на отдаленной и безмятежной высотѣ, выступали интересы общества и государства, и потому было возможно, въ исключительномъ попеченіи о судѣ и судящихся, приложить всѣ усилія единственно къ сочетанію въ составляемыхъ законоположеніяхъ точности съ полнотой, справедливости съ удобствомъ.

Еще нѣсколько словъ pro domo—и мои сегодняшнія предварительныя объясненія будутъ окончены. Войдя въ подробное разсмотрѣніе трудовъ по судебному пересмотру, Соединенные Департаменты благоволятъ убѣдиться, что въ этихъ трудахъ чрезвычайно мало личнаго, субъективнаго и ничего нѣтъ предвзятаго, пристрастнаго или самоувѣреннаго. По ихъ происхожденію и характеру они не претендуютъ на могучее творчество и на открытіе какихъ либо яркихъ и новыхъ горизонтовъ; они гораздо болѣе продуктъ, такъ сказать, собирательной, эклектической мысли, чѣмъ самодовлѣющее произведеніе одного ума и одной воли, которое, конечно, выигрываетъ въ цѣльности, но все-

таки немного напоминаетъ мнѣ о Минервѣ, вылетающей во всеоружіи изъ головы Юпитера. Въ нашей коллективной работѣ добросовѣстно приведены всѣ добытыя нами данныя, всѣ представлявшіеся намъ способы къ усовершенствованію дѣйствующихъ судебныхъ установленій, и въ этомъ смыслѣ къ ней, вѣроятно, будутъ еще долго возвращаться ихъ изслѣдователи и реформаторы. Но мы сами вовсе не считаемъ своихъ воззрѣній непогрѣшимыми, своихъ предположеній безошибочными, мы въ особенности не соединяемъ съ ними никакого авторскаго самолюбія. Торжество не столько этихъ преходящихъ выводовъ, сколько вѣчныхъ началъ законности и правосудія можетъ быть утѣшеніемъ и завѣтною мечтою тѣхъ, кто не утратилъ еще горячей вѣры въ правый и милостивый русскій судъ.

КРАСНЫЙ КРЕСТЪ *).

L'Empereur, notre Auguste Maître, ayant daigné me charger de vous adresser un salut de cordiale bienvenue, je viens m'acquitter de cette tâche aussi difficile que flatteuse, avec une profonde et sincère émotion. Seule, ma haute mission me dispense de demander votre indulgence, pourtant nécessaire à un juriste, que ses fonctions spéciales et rigides ont tenu jusqu'à ce moment à l'écart de vos charitables travaux. Néanmoins, je ne me sens pas tout-à-fait dépaysé devant votre illustre assemblée: je ne sais que trop, combien même la justice est incomplète et insuffisante sans la sainte pitié—votre devise suprême, et d'autre part, faudrait-il rappeler ici, que déjà de longue date le droit et la loi de toutes les

*) Рѣчь при открытіи VII Международной Конференціи Обществъ Краснаго Креста, 16 Мая 1902 г.

contrées civilisées vous ont largement ouvert leur domaine pour affirmer et protéger votre bienfaisante assistance?

Sa Majesté Impériale m'a ordonné de vous exprimer Sa pleine et entière satisfaction de vous savoir réunis en conférence internationale pour la première fois dans notre pays. Si la grande et noble oeuvre de la Croix Rouge avait encore besoin de démontrer son évidente et incontestable utilité, les évènements qui se sont déroulés dans le monde depuis votre dernière réunion, à Vienne, en 1897, auraient pu constater un éclat extraordinaire de votre infatigable activité.

Les champs de combat greco-turques et sud-africains ont vu vos courageuses ambulances travailler, sans relâche, sans distinction de cause et de camp, à adoucir les ravages du terrible fléau de la guerre. Pendant l'expédition de Chine, le drapeau vénéré de la convention de Genève fut dignement porté par delà les mers, fortifiant l'espoir et la confiance des européens, inspirant le respect et l'admiration aux extrême—orientaux. Et quand, environ à la même époque, malgré les difficultées et les divergences, surgissait comme une aurore lumineuse et se pour-

suivait dans le recueillement cette pensée sublime de désarmement et de conciliation, à qui appartient l'avenir, l'extension et le développement de la Croix Rouge ont été un des résultats immédiats de la conférence de La Haye et deviennent maintenant l'objet de plusieurs questions graves et intéressantes, inscrites sur votre programme. Dans son ensemble, il est vaste, varié et sérieux, conforme en ceci aux problèmes importants, que la force des choses et les conditions de la vie réelle ont soulevé et soumis à vos déliberations.

Parmis les nombreux rapports, sollicitants votre attention, vous trouverez ceux, qui concernent l'intervention de la Croix Rouge en temps de paix dans la lutte contre les calamités publiques, telles qu'épidémie, disette, inondation, incendie et d'autres désastres plus ou moins indépendants de la volonté de l'homme. Cette question vivace et urgente, quoique très discutée, est particulièrement à l'ordre du jour. Aux objections d'une prudence raisonnée, mais peut être trop excessive, qui admet la concentration de tous les moyens matériels et personnels de vos Sociétés exclusivement pour les nécessités des armées, l'expérience quoti-

dienne répond par des arguments d'une énorme valeur, presque irréfutables. Il suffit d'indiquer à ce propos la popularité toujours grandissante de la Croix Rouge, considérée universellement comme organe efficace de secours dans tous les maux, qui frappent en masse le genre humain. Quant aux ressources pécuniaires—ce nerf vital de toute action ici-bas—ils ne sauraient manquer à la sagacité et à l'énergie des éminents travailleurs volontaires, qui, pénétrés d'abnégation vaillante, ont voué leurs efforts réunis à la sauvegarde désintéressée du prochain. Dans cette direction, ainsi que sur beaucoup de points dominants d'une pratique récente, la Société russe, secondée par l'etat, a fait ses preuves décisives et, ne ménageant pas les sacrifices, est entrée résolument dans la voie du progrès, témoin les diverses communications, qui vous seront présentées par notre Comité Central. Et, en verité, pourrait-il en être autrement, une fois que l'oeuvre a le bonheur de s'abriter sous l'égide élevée d'un coeur généreux de femme et de mère, qui bat à l'unisson de tout ce qu'il y a chez nous de tendre sollicitude, de sympathies chaleureuses et d'aspirations idéales à la charité et au bien?! . . . . . .

Vos instants, pris par ces nobles soucis, sont précieux et je n'ose pas en abuser davantage avec des paroles, qui ne parviendront jamais au niveau de l'immense signification de vos futurs labeurs. Qu'il me soit seulement permis de conclure par une évocation rassurante au milieu du spectacle poignant de la sombre douleur, subitement éclairé, transformé, à l'apparition de la Croix Rouge sur son fond immaculé. A travers les temps troubles, au dessus du sang versé, des souffrances endurées, elle brille d'une lueur consolatrice, et cette lueur—c'est l'amour, la compassion, la bonté, non pas faible, stérile, stationnaire, mais en marche, vigoureuse, agissante, victorieuse. C'est une nouvelle croisade pacifique, que *Dieu veut* contre le mal implacable, trop lourd, écrasant pour les forces individuelles et séparées. Voila ce que nous honorons dans l'alliance puissante de la Croix Rouge, personnifiée par votre assemblée, que je suis heureux de saluer aujourd'hui au nom de mon magnanime Souverain. Puisse-t-elle toujours prospérer dans son élan grandiose vers les victimes du devoir et du sort! Unique entre toutes, votre union fraternelle, en tenant compte des différences nationales, embrasse les pays

et les peuples dans une même étreinte de miséricorde. Il est beau, il est doux de servir sa patrie; la Croix Rouge fait plus — elle mérite bien de l'humanité!

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Государю Императору, нашему Августѣйшему Монарху, благоугодно было поручить мнѣ обратиться къ вамъ съ сердечнымъ привѣтомъ,—и эту столь же трудную, сколько и лестную задачу я исполняю въ глубокомъ и искреннемъ сознаніи всего ея возвышеннаго значенія. Только такой исключительный характеръ возложеннаго на меня порученія избавляетъ меня отъ необходимости просить васъ снисходительно отнестись къ юристу, стоявшему до сихъ поръ, по своимъ спеціальнымъ и суровымъ обязанностямъ, вдали отъ вашихъ человѣколюбивыхъ трудовъ. Едва ли однако умѣстно мнѣ чрезмѣрно смущаться предъ вашимъ славнымъ

собраніемъ: я слишкомъ хорошо знаю, до какой степени и само правосудіе неполно и недостаточно безъ святаго милосердія—этого высшаго начала вашей дѣятельности. Нужно ли, съ другой стороны, напоминать здѣсь, что и въ правовомъ сознаніи, и въ положительномъ законодательствѣ ваше благодѣтельное служеніе давно уже встрѣчаетъ широкую поддержку и защиту?

Его Императорское Величество повелѣлъ мнѣ выразить вамъ полное Свое удовольствіе по поводу этого перваго въ Россіи собранія вашей международной конференціи. Если бы великое и благородное учрежденіе Краснаго Креста нуждалось въ подтвержденіи очевидной и неоспоримой полезности его, то событія, совершившіяся въ мірѣ со времени вашего послѣдняго собранія въ Вѣнѣ, въ 1897 году, могли бы явиться чрезвычайно блестящимъ свидѣтельствомъ вашей неутомимой дѣятельности.

На греко-турецкихъ и южно-африканскихъ поляхъ битвы ваши мужественные санитарные отряды, не различая лагерей и воюющихъ сторонъ, работали для смягченія ужасныхъ бѣдствій войны. Во время Китайской экспедиціи, всѣми чтимое знамя Женевской конвенціи было достойно водружено за моремъ,

вселяя бодрящую надежду и довѣріе въ европейцевъ, внушая почтеніе и удивленіе туземцамъ дальняго востока. А когда, около того же времени, не смотря на всѣ затрудненія и разногласія, выступила, подобно лучезарной зарѣ, и подверглась благоговѣйной разработкѣ возвышенная мысль о всеобщемъ разоруженіи и согласіи,— мысль, которой принадлежитъ будущее, то однимъ изъ ближайшихъ результатовъ Гаагской конференціи явились расширеніе и развитіе установленій Краснаго Креста, нынѣ составившія предметъ многихъ важныхъ и интересныхъ сообщеній, внесенныхъ въ вашу программу.

Въ совокушности своей эта программа отличается широтою, разнообразіемъ и дѣловитостью, находясь въ соотвѣтствіи съ тѣми важными задачами, которыя выдвигаются силою вещей и условіями дѣйствительной жизни и которыя подлежатъ вашему обсужденію.

Въ ряду многочисленныхъ докладовъ, представленныхъ вашему вниманію, вы найдете сообщенія объ участіи Краснаго Креста, въ мирное время, въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями, каковы эпидеміи, голодъ, наводненія, пожары и другія несчастія, стоящія болѣе

или менѣе внѣ зависимости отъ человѣческой воли. Эти жгучіе и неотложные вопросы, при всей ихъ спорности, представляются, однако, по преимуществу вопросами очередными. На возраженія, исходящія изъ соображеній осторожности, быть можетъ нѣсколько преувеличенной осторожности, которая побуждаетъ сберегать всѣ матеріальныя средства и личныя силы вашихъ Обществъ исключительно для надобностей военнаго времени, опытъ повседневной жизни отвѣчаетъ доводами чрезвычайно вѣскими, почти неотразимыми. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на постоянно растущую популярность Краснаго Креста, въ которомъ повсемѣстно видятъ надежное орудіе помощи во всѣхъ массовыхъ бѣдствіяхъ, поражающихъ родъ человѣческій.

Что касается денежныхъ средствъ—этого жизненнаго двигателя всякаго начинанія, то въ нихъ не можетъ встрѣтить недостатка разумная энергія выдающихся тружениковъ, самоотверженно посвящающихъ свои соединенныя усилія на безкорыстную помощь ближнему. Въ этомъ направленіи, какъ и по многимъ другимъ важнымъ предметамъ вашей текущей дѣятельности, Россійское Общество Краснаго Креста обнару-

жило вполнѣ свою дѣеспособность и, не щадя средствъ, рѣшительно вступило на путь прогресса, о чемъ свидѣтельствуютъ различныя сообщенія, представленныя вамъ нашимъ Главнымъ Управленіемъ. Да и могло ли бы быть иначе, когда наше учрежденіе имѣетъ счастіе пребывать подъ Высокимъ покровительствомъ великодушнаго женскаго сердца, которое чутко откликается на всѣ горячія проявленія состраданія и идеальныя стремленія къ милосердію и добру. . . . .

Ваше время, посвящаемое такимъ благороднымъ заботамъ, дорого, и я не рѣшусь отнимать его долѣе рѣчью, которая не возвысится до важнаго значенія вамъ предстоящихъ работъ. Но да будетъ мнѣ дозволено, въ заключеніе моего слова, вызвать въ вашемъ представленіи успокоительную картину зрѣлища тягостной скорби, внезапно озаряемаго, мѣняющаго свой видъ,—лишь только появляется Красный Крестъ на бѣломъ полѣ. Среди тревоги, надъ пролитою кровью и передъ тяжкими страданіями, онъ сіяетъ кроткимъ свѣтомъ утѣшенія, и свѣтъ этотъ есть любовь, состраданіе, доброта, и проявленія ихъ—не слабыя, неподвижныя и безплодныя, а поступательныя,

сильныя, дѣятельныя, все превозмогающія. Это новый мирный, Богу угодный, крестовый походъ противъ страшнаго бѣдствія, не поддающагося усиліямъ отдѣльнымъ, разрозненнымъ. Вотъ то, что мы почитаемъ въ могущественномъ союзѣ Краснаго Креста, воплощеніемъ котораго является ваше сегодняшнее собраніе,—и я счастливъ привѣтствовать его Именемъ моего Всемилостивѣйшаго Государя. Пусть неизмѣнно преуспѣваетъ вашъ величавый союзъ на благо жертвъ долга и судьбы! Единственный среди всѣхъ другихъ, вашъ братскій союзъ, принимая въ соображеніе національныя особенности, объединяетъ страны и народы въ одномъ общемъ служеніи дѣлу милосердія. Благородно и отрадно служить своему отечеству; Красный Крестъ несетъ бо́льшую службу—онъ работаетъ на пользу всего человѣчества!

Международный союзъ уголовнаго права *).

I.

De par la gracieuse autorisation de Sa Majesté l'Empereur, mon Auguste Souverain, je prends la parole pour remplir un devoir des plus agréables, et c'est avec un vif sentiment de sincère satisfaction, que j'apporte aux membres de l'Union internationale de droit pénal, réunis en leur IX-me Congrès—le premier à St. Pétersbourg—les cordiales salutations et les meilleurs souhaits du gouvernement Impérial. En son nom je suis heureux de dire à mes estimables collègues de cette Union: soyez les bienvenus dans notre pays, vous qui représentez dignement une oeuvre encore récente, mais déjà considérable

*) I и II—рѣчи при открытіи и закрытіи IX Конгресса Международнаго Союза Уголовнаго Права, 4 и 7 Сентября 1902 г.

et considérée, une oeuvre de science profonde, de multiple sauvegarde sociale et de généreux progrès humanitaire!—Devant le morne spectacle du crime destructeur et les efforts, trop souvent stérils, pour combattre ses pernicieux méfaits, vous vous êtes inspirés d'une noble pensée de perfectionner et d'aiguiser les armes un peu rouillées de lutte contre la criminalité envahissante. Surmontant les obstacles, pleins d'énérgie vaillante et desintéressée, vous n'avez pas craint d'assumer une tache aussi difficile, que complexe—et le succès ne s'est pas fait attendre, car la sérieuse valeur et l'incontestable utilité de vos travaux vous ont rapidement conquis les sympathies du monde civilisé. Après des commencements prudents et modestes, malgré le caractère tout privé de camaraderie professionelle, qui, n'excluant pas les attaches corporatives, présida aux débuts de l'Union dans la voie, tracée par ses éminents fondateurs, la reconnaissance publique, presque universelle, est venue vite et d'elle même, par la force seule de la persévérance et des convictions. A l'heure qu'il est, l'Union peut envisager avec un contentement légitime le chemin parcouru. Sans revêtir une sanction officielle quelconque, elle

tend de plus en plus à obtenir une grande signification morale, qui compte déjà dans la doctrine, comptera bientôt dans les législations. Les résultats de vos laborieuses investigations ne sont nullement obligatoires, mais dois-je rappeler ici, qu'à défaut de prescriptions formelles, l'*auctoritas rationis* est quelquefois plus forte et plus durable au franc domaine des idées, que la *ratio auctoritatis* des lois? Ainsi qu'il convient aux assemblées savantes, une liberté entière régne dans les débats et les écrits de l'Union, et cette liberté, si sage et si féconde, n'est aucunement dangereuse, parceque, purement scientifique et, par conséquent, raisonnée et modérée, elle ne descend des calmes sommets de la contemplation abstraite, que dans un élan mesuré vers le bien-être commun. Et, quoique dans l'examen des problèmes soulevés, vous faites scrupuleusement abstraction de personnalité et d'affaire, la théorie n'est pas plus séparée de la pratique dans vos délibérations, qu'elle ne devrait l'être dans toute recherche consciencieuse, servant de base à une conception législative ou sociale, évoquée par les besoins de la vie réele. Votre milieu est propice à l'entente: dans vos rangs le professeur trou-

ve sa place auprès du magistrat, le savant se complète du fonctionnaire, le philosophe, le naturaliste ne choque pas, au moins d'une façon présomptueuse et intransigeante, les traditions et les aperçus du jurisconsulte. Une large tolérance mutuelle—ce levier puissant de l'intélligence—vous a permis de former une véritable *«union»* de penseurs en action, que même leurs divergeances ne détournent jamais d'une aspiration dominante—d'améliorer, d'élargir, de vivifier les moyens de défense répressive, en parfaite conformité avec les notions contemporaines sur le rôle et les obligations réciproques de la société et de l'individu. N'admettant ni contrainte, ni pression, vous énoncez plutôt des considérations, que des avis, des «désiderata» à développer et à éprouver, plutôt que des conclusions définitives. Et si vos labeurs collectifs se ressentent parfois d'être accidentels et quelque peu disparates, leur portée n'en est pas moins remarquable et, précisément en cette mémorable solennité, il ne me parait pas superflu d'en démontrer l'origine primitive et la substance essentielle.

Depuis que le crime et le châtiment sont devenus sujets d'études approfondies et systé-

matiques, l'humanité n'a pas cessé de chercher à déterminer la nature primordiale du délit et à découvrir, avec les lois générales, qui gouvernent ces sombres parages de l'existence, les remèdes les plus aptes à la protéger contre les attentats criminels de tout genre. Le fond et la direction de ces études se sont transformés à l'infini, passant par les phases successives de la spéculation métaphisique et de l'idée sociale. Faut-il revenir aujourd'hui sur ce tableau trop connu, mais toujours instructif et intéressant? Aux époques—pour nous maintenant presque légendaires—de l'ancien droit on s'est occupé uniquement de la personne du criminel, le traitant en ennemi implacable, qu'il faut subjuguer, intimider par la peur, ou écraser, détruire à tout prix, pour le châtier et effrayer ses semblables, sans autres soucis d'un ordre plus compliqué et élevé. Tantôt, le grand mouvement humaniste adoucira cette action vengeresse et introduira résolument le principe de justice dans la cruelle vindicte publique. L'évolution accomplie et contenant en germe toutes les tendances prochaines, se résume en ces paroles superbes, par lesquelles le père des criminalistes modernes, Beccaria, votre illustre précurseur,

formula le «théorème général» de son célèbre «*Traité des délits et des peines*»: «Pour que tout châtiment ne soit pas un acte de violence, exercé par un seul ou par plusieurs sur un citoyen, il doit être public, prompt, nécessaire, proportionné au délit, dicté par les lois et le moins rigoureux possible dans les circonstances données». A l'aube du siècle apparaissait ainsi l'essence du droit pénal, celle-là même, qui sous la dénomination actuellement un peu dédaigneuse de «doctrine classique» fut le berceau vénéré de toutes nos connaissances et nos perceptions répressives. Pendant des années elles sont concentrées exclusivement sur le côté juridique du crime et de la peine. On définit minutieusement le premier, on établit la seconde, comme son complément impérieux et fatal, on les relie ensemble par un mécanisme méticuleux de procédure, qui se borne à rassembler et à constater les éléments du délit et à convaincre le coupable, afin de lui infliger la peine légale quelqu'en soient les conséquences pour l'homme et la cité. De cet homme lui-même et de ses antécédents biologiques, des causes particulières et générales de la criminalité, des suites et de l'influence de la pénalité—de tout cela il n'est

point question dans le temple harmonieux, mais restreint et rigide de la science et de la jurisprudence dogmatiques. Toutefois elles ont rendu d'insignes services au droit et à la civilisation, en éclairant le phénomène juridique du crime et de la peine et en asseyant sur des fondements inébranlables leur composition et leurs propriétés organiques. Mais l'esprit critique et pénétrant de nos jours n'a pu se contenter de ce sobre héritage; il s'est promptement aperçu des lésions de l'édifice doctrinaire et, du reste, la réalité inéxorable s'est chargée de lui fournir, en les accumulants à volonté, des preuves palpables de l'insuffisance de méthode et de procédé. Quand l'observation s'est substituée à la théorie et les préoccupations humanitaires et sociales ont remplacé la compulsion et l'interprétation des textes, le changement s'est produit sans ratard. Des yeux clairvoyants ont été frappé par l'inanité flagrante des peines en matière de prévention, par la récidive incéssement grandissante, par l'atavisme criminel, cette tare rongeante des générations, par la connéxion étroite entre la région pénale et les lois naturelles et sociales. C'est alors que l'individualité troublante du fauteur, signalée

par ses singularités psychiques et phisiques, s'est dessiné au premier plan, reléguant au dernier, pour des regards éblouis et impressionés, l'agissement délictueux et le fait matériel de l'infraction à la loi positive. La réaction inévitable et, en somme, justifiée, même salutaire, s'annonça aussi intense, que longue et absolue a été la tendance contraire, rivée au vieux dogme de la pénalité «classique». Quel autre sens, quel motif plausible aurait eu l'apparition des nouvelles écoles, anthropologique et sociologique, avec leur engouement exagéré pour le naturalisme, avec leur entrainement au-delà des limites juridiques, si ce n'est le désir ardent de combler les lacunes, de remédier à l'insuffisance, de venir en aide aux faiblesses du droit criminel? Cependant, comme le courant réformateur dépasse souvent sa première impulsion, des errements et des illusions n'ont pu être évité par les nouvelles écoles et celle d'antan n'a pas été assez ménagée dans une certaine exubérance d'horizons trop éclatants d'une science toute neuve, pas encore mûre et seulement en formation—la criminologie. Elle a eu l'avantage de ne pas s'arrêter longtemps aux conceptions précaires du fameux

«type criminel»; quand même, elle accorde une prépondérance marquante aux facteurs psychologiques et physiologiques du crime, elle s'attarde aux classifications plus ou moins factices des criminels et, du côté objectif, elle souligne avant tout son péril antisocial. Dans cette orientation nouvelle il y avait forcément lieu à un nouveau pointage scientifique. La criminologie tenta d'englober dans un même cycle d'étude la répression proprement dite, les mesures préventives et le système pénitentiaire, au préjudice d'une séparation indispensable de ces différentes branches du savoir. Mutatis mutandum surgissait derechef l'antique antithèse; c'est le criminel, qui faisait oublier le crime, comme on oublie la maladie pour le malade dans une école de médecine transcendante. . . . .

A force de ne penser qu'aux délinquants on est venu à élaborer pour leurs différentes catégories des régimes exclusifs, un mélange parfois paradoxal de rigueur et d'hygiène, d'éducation et de correction, de pitié et d'impunité. L'air ambiant de la science pénale s'obscurcissait étrangement et une déviation singulière s'apercevait dans ses dispositions accoutumées. Les ordonnances du droit strict, les exigences

de la morale publique et de la paix sociale, les réclamations des intérêts lésés ne recevaient pas de manifestation suffisante dans les discussions et les polémiques. Les criminalistes ne s'entendaient plus sur leurs propres principes et ce partageaient en camps ennemis, au lieu d'unifier leurs efforts contre un ennemi commun—la criminalité. C'était évidemment inutile et nuisible de prolonger indéfiniment cette triste situation; le malentendu, la confusion et la discorde menaçaient de s'emparer de tout ce ressort scientifique, tandis qu'au fond chaque point de départ, chaque procédé d'étude avaient leur raison d'être et tous pouvaient converger utilement au but suprême—le triomphe de la justice immanente et la protection efficace de la société. Un revirement était nécessaire, un rapprochement, une synthèse s'imposaient, il fallait rétablir l'équilibre entre les divers aspects de la criminalité, tout en tenant compte des aspirations nouvelles—et c'est l'Union de droit pénal, qui inscrivit la dévise de concorde sur son drapeau conciliateur. Ouverte à toute appréciation véritablement scientifique, accomodante et éclectique, parceque impartiale, elle se dresse au dessus des écoles hostiles, car elle les com-

prend toutes, prenant à chacune ce qu'elle offre de probante et de prouvé. Une pareille solidarité d'esprits distingués et pondérés, de visées bien intentionnées, ne saurait demeurer indifférente et infructueuse dans le combat acharné, constamment livré par les états et les peuples aux insurgés de la loi Viribus unitis ce combat à la longue ne peut être que victorieux pour la seule chose, qui tienne ici-bas contre les opinions préconçues, les préjugés aveugles et les dissentiments opiniâtres—pour la lumière radieuse de la vérité!....

Voilà, Messieurs, ce qui constitue le mérite principal de votre libre association et ce qui lui assure, avec l'appui des gouvernements, les garanties de sécurité et les chances de réussite. Je ne prétend guère faire l'historique de l'évolution rationelle dans les études pénales, dont une des étapes importantes portera sans doute le nom de votre Union. Et je suis tout déconcerté en m'apercevant qu'il est bien temps de conclure au risque de fatiguer votre aimable attention par des réflexions, qui ne vous apprendront rien de très neuf sur votre route et votre déstination. Mais j'ai cru opportun d'indiquer au seuil même de cette réunion une

réponse de ferme et claire assurance, prête à toute interrogation douteuse ou malveillante, que suscite quelquefois, jusque dans la tranquillité sereine de la science, telle oeuvre jeune, telle innovation hardie et originale. . En remontant aux sources du crime et de la peine, vos prédécesseurs vous ont legué un vaste champ défriché; en travaillant à réformer ses sillons, vous y mettez de la bonne graine, qui enrichira le dépôt sacré des connaissances humaines et préparera à nos successeurs une abondante récolte, à nos enfants, à la postérité lointaine— un meilleur avenir!

On a l'habitude d'affirmer que la science n'a pas de partie et que les savants appartiennent à toutes les contrées. capables de les produire et de les apprécier. S'il s'agit de l'extension et de la propagation des idées, de la fraternité scientifique, il n'y aurait pas beaucoup à redire à cette thèse et, certes. votre Union est et doit être vraiment *internationale* dans l'acception la plus nette de ce mot significatif. Tous les états de haute culture spirituelle traitent l'appareil répressif à peu près de la même manière et partout les principales règles et les grandes lignes du droit pénal sont

presque identiques. Mais quant à l'application pratique, elle varie et différe selon les circonstances locales, et ces variations, ces différences, cette souplesse enfin, qui s'adapte merveilleusement au lieu et au temps, présentent justement ce qu'il y a de plus valable dans le commerce idéal des nations. Une communication régulière, un échange continu des effets de la science ne peuvent être productifs qu'en laissant intactes, qu'en respectant pieusement les particularités intégrales et chères au pays. Vous avez reconnu toute la justesse de cette assertion en organisant le groupement national de l'Union et notamment notre groupe russe, qui est tout fière aujourd'hui de pouvoir faire chèz lui les honneurs à son institution-mère. Il ne me sied pas de juger son importance et son activité, mais je ne puis m'empêcher de relever avec plaisir, que notre ramification filiale débuta sur un sol fertile et à un moment des plus favorables. Le droit pénal traverse en Russie une période d'animation excessive et exceptionelle. Toutes ses sections sont objets d'examen profond ou de réforme fondamentale. Nous sommes à la veille de la promulgation d'un nouveau code pénal, un projet complet de réorganisation

de l'instruction criminelle vient d'être soumis au Conseil de l'Empire, le système pénitentiaire subit de graves changements et dans leur nombre il suffirait de mentionner l'abolition de la transportation en Sibérie, le rattachement de l'administration des prisons au Ministère de la Justice, la réformation du régime et surtout du travail pénitentiaires, le développement commençant des asyles correctionels et du patronage, la mise à l'étude de la condamnation et de la libération conditionelles, et d'autres mesures du même genre. L'étendue de nos éspaces, la variété et la pluralité de nos conditions géographiques et éthnographiques, des complications de toute espèce, ingérentes à la marche civilisatrice et progressive d'un grand peuple et d'un immense Empire, — tout ceci n'est pas fait pour faciliter les réformes entreprises ou projetées et demande une agglomération extraordinaire de renseignements, de données, d'enquêtes les plus diverses. D'autant plus de prix est pour nous la participation judicieuse de nos hôtes occidentaux à la solution des problèmes épineux et ardus, qui préoccupent—je pourrais même dire — qui excitent et passionnent les facultés studieuses de nos criminalistes. C'est

pourquoi nous vous saluons non seulement en confrères et amis, mais aussi en collaborateurs désirés, et nous voulons espérer, que votre séjour parmi nous marquera une belle et bonne page dans les annales futures de l'Union. Les liens mystérieux de l'esprit et de la science une fois contractés ne doivent plus être relâchés, deviennent solides et indissolubles. Profitons donc de leur précieuse puissance pour contribuer ensemble dans toute la mesure de nos forces et de nos aptitudes à la sainte cause d'une juste rédemption du crime, de la régénération possible du criminel!

En proclamant l'inauguration du IX-me Congrès international des criminalistes, j'ai l'honneur de convier Messieurs les membres de ce Congrès à leurs bienfaisants travaux.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Съ Высочайшаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволенія приступая къ исполненію пріятной обязанности, я съ живѣйшимъ чувствомъ искренняго удо-

вольствія приношу отъ имени Императорскаго правительства сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія гг. членамъ Международнаго союза уголовнаго права, собравшимся на IX-й—въ С.-Петербургѣ первый—Конгрессъ Союза. Отъ имени правительства я счастливъ сказать моимъ уважаемымъ коллегамъ по Союзу: добро пожаловать, достойные представители дѣла, недавно лишь зародившагося, но уже значительнаго и почтеннаго, работы глубоко научной, преслѣдующей сложную задачу общественной защиты, работы, проникнутой благородными гуманитарно-прогрессивными стремленіями. Мрачное зрѣлище разрушительной преступности и часто безплодныхъ усилій въ борьбѣ съ пагубными ея проявленіями внушило вамъ благородную мысль усовершенствовать и отточить, слегка заржавѣвшее, оружіе этой борьбы. Преодолѣвая препятствія, съ доблестной и безкорыстной энергіей, вы не побоялись приняться за столько же трудную, сколько и сложную работу,—и успѣхъ не заставилъ себя ждать: своими высоко цѣнными и несомнѣнно полезными трудами вы быстро завоевали себѣ сочувствіе всего образованнаго міра. Несмотря на то, что дѣятельность Союза

на пути, намѣченномъ его знаменитыми основателями, на первыхъ порахъ была всецѣло отмѣчена частнымъ характеромъ профессіональнаго товарищескаго общенія, не лишеннаго, впрочемъ, и корпоративной связи,—уже вслѣдъ за первыми осторожными и скромными начинаніями почти повсемѣстно проявилось общественное признаніе Союза, проявилось быстро, и само собою, какъ естественный результатъ настойчивости и убѣжденности дѣятелей Союза. Въ настоящую минуту Союзъ можетъ оглянуться на пройденный путь съ вполнѣ законнымъ чувствомъ удовлетворенія. Не облеченный никакою оффиціальною санкціею, онъ постепенно пріобрѣтаетъ все большее и большее нравственное значеніе, съ которымъ уже считается наука, а скоро будутъ считаться законодательства. Результаты вашихъ тщательныхъ изслѣдованій не имѣютъ никакой обязательной силы, но нужно ли мнѣ напоминать вамъ, что и при отсутствіи формальныхъ велѣній auctoritas rationis бываетъ въ свободной области идей иногда болѣе сильной и болѣе устойчивой, чѣмъ ratio auctoritatis законовъ? Какъ и подобаетъ ученому обществу, въ словесныхъ дебатахъ и печатныхъ работахъ Союза царитъ

полная свобода, и эта свобода, разумная и плодотворная, нимало не опасна, ибо, являясь строго-научной и, слѣдовательно, умѣренной и сдержанной, она нисходитъ съ мирныхъ высотъ отвлеченнаго мышленія лишь въ мѣрномъ стремленіи къ общему благу. При разсмотрѣніи возбуждаемыхъ вопросовъ вы тщательно проводите границу между принципомъ, личностью и существомъ дѣла, и теорія въ вашихъ изслѣдованіяхъ отдѣляется отъ практики лишь настолько, насколько это должно имѣть мѣсто во всякомъ добросовѣстномъ изслѣдованіи, служащемъ основаніемъ для законодательнаго или общественнаго начинанія, вызываемаго потребностями дѣйствительной жизни. Ваша среда является благодарной почвой для сближенія; въ рядахъ вашихъ профессоръ стоитъ рядомъ съ судьею, съ ученымъ встрѣчается чиновникъ, философъ и натуралистъ, безъ высокомѣрія и непримиримости, считаются съ традиціями и взглядами юриста. Широкая взаимная терпимость—этотъ могущественный рычагъ интеллектуальнаго развитія—позволила вамъ образовать настоящій *союзъ* людей мысли и дѣла, которые и при различіи во взглядахъ никогда не отклоняются отъ главной заботы—улучшить,

расширить, оживить репрессивныя средства защиты, въ полномъ соотвѣтствіи съ современными воззрѣніями на роль и взаимныя обязанности общества и индивида. Не допуская ни принужденія, ни давленія, вы выражаете скорѣе соображенія, чѣмъ мнѣнія, возвѣщаете скорѣе «desiderata», подлежащія дальнѣйшему развитію и испытанію, чѣмъ окончательныя заключенія. И хотя ваши совмѣстные труды могутъ казаться иногда случайными и не вполнѣ объединенными, тѣмъ не менѣе ихъ значеніе велико, и именно на этомъ знаменательномъ торжествѣ не будетъ лишнимъ указать ихъ зарожденіе и главную ихъ сущность.

Съ тѣхъ поръ, какъ преступленіе и наказаніе сдѣлались предметами тщательнаго и систематическаго изученія, человѣчество не переставало стремиться къ опредѣленію первоначальной природы преступленія и къ открытію,—при помощи общихъ законовъ, управляющихъ этими мрачными проявленіями жизни,—средствъ, наиболѣе пригодныхъ для ея охраны отъ всякаго рода уголовныхъ посягательствъ. Сущность и направленіе этихъ изысканій подвергались безконечнымъ измѣненіямъ, послѣдовательно пройдя черезъ различные фазисы

метафизическаго мышленія и развитія соціальной идеи. Не слѣдуетъ ли остановиться сегодня на этой картинѣ, слишкомъ извѣстной, но всегда поучительной и интересной? Въ эпоху, для насъ теперь почти легендарную—эпоху стараго права, занимались исключительно личностью преступника, разсматривая его, какъ непримиримаго врага, котораго нужно покорить, смирить страхомъ, или раздавить, уничтожить во что бы то ни стало для того, чтобы его самого наказать, а ему подобныхъ устрапить, при чемъ оставлялись въ сторонѣ какія либо иныя заботы болѣе сложнаго и возвышеннаго порядка. Съ теченіемъ времени возникаетъ великое гуманитарное движеніе, которое смягчаетъ эту дѣятельность, проникнутую чувствомъ мести, и рѣшительно вводитъ принципъ справедливости въ суровую область публичнаго преслѣдованія преступленія. Движеніе это, заключавшее въ себѣ зачатки всѣхъ будущихъ направленій, нашло себѣ выраженіе въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ, которыми отецъ современныхъ криминалистовъ, Беккарія, вашъ славный предшественникъ, формулировалъ такъ называемую «общую теорему» своего замѣчательнаго *Traité des délits et des peines*: «Для того, чтобы

наказаніе не было просто актомъ насилія, производимымъ однимъ или нѣсколькими лицами надъ гражданиномъ, оно должно быть публично, быстро, неизбѣжно, соразмѣрно преступленію, предусмотрѣно законами и настолько мягко, насколько это возможно при данныхъ обстоятельствахъ». Такимъ образомъ уже на зарѣ XIX-го вѣка выступили существенныя черты того направленія въ уголовномъ правѣ, которое, подъ названіемъ «классической доктрины»—названіемъ, въ настоящее время являющимся какъ бы нѣсколько ироническимъ и пренебрежительнымъ—сдѣлалось глубоко чтимою колыбелью всѣхъ нашихъ познаній и представленій въ области уголовной репрессіи. Они въ продолженіе многихъ лѣтъ сосредоточивались исключительно на юридической сторонѣ преступленія и наказанія. Первому дано было точное опредѣленіе, второе было установлено, какъ его императивное и неизбѣжное дополненіе, и оба вмѣстѣ были связаны между собою при помощи точнаго процессуальнаго механизма, который ограничивался собираніемъ и констатированіемъ признаковъ преступленія и установленіемъ виновности обвиняемаго, съ тѣмъ чтобы наложить на этого послѣдняго законную кару, не считаясь

съ послѣдствіями этого въ отношеніи къ человѣку и къ обществу. Вопросамъ же о самомъ этомъ человѣкѣ и его біологическихъ антецедентахъ, о причинахъ преступности частныхъ и общихъ, о послѣдствіяхъ и вліяніи карательныхъ мѣръ,—всѣмъ этимъ вопросамъ не было отведено достаточнаго мѣста въ стройномъ, гармоническомъ, но тѣсномъ и холодномъ храмѣ догматической науки и судебной практики. Тѣмъ не менѣе эти послѣднія оказали значительныя услуги праву и цивилизаціи, выяснивъ юридическую природу преступленія и наказанія и утвердивъ на непоколебимыхъ основаніяхъ ихъ составные элементы и ихъ органическія свойства. Однако критическая и пытливая мысль нашихъ дней не могла удовольствоваться этимъ скромнымъ наслѣдіемъ; она вскорѣ подмѣтила слабыя черты односторонняго созданія доктрины. и неумолимая дѣйствительность не преминула доставить ей, въ изобиліи, наглядныя доказательства недостаточности старой методы и ея пріемовъ. Когда наблюденіе смѣнило собою умозрѣніе, а предъ соображеніями человѣчности и общественности померкло изученіе и толкованіе текстовъ, не замедлила совершиться перемѣна. Прояснившіеся взоры были поражены

явнымъ безсиліемъ наказаній въ дѣлѣ предупрежденія преступленій и картиною безпрестанно растущаго рецидива и преступной наслѣдственности, вырожденія, этой язвы, разъѣдающей поколѣнія при той неразрывной связи, которая существуетъ между уголовною сферою и законами естественными и соціальными. Тогда то на первый планъ и выдвинулась личность преступника, отмѣченная его психическими и физическими особенностями, отодвинувъ, передъ ослѣпленными и пораженными взорами, на задній планъ преступное дѣяніе и самый фактъ посягательства противъ положительнаго закона. Явилась неизбѣжная, но въ сущности понятная и даже благотворная реакція, столь же рѣшительная, сколь продолжительною и безусловною была противоположная тенденція, вытекавшая изъ стараго «классическаго» ученія о преступности. Въ чемъ иномъ былъ бы смыслъ и уважительный мотивъ появленія новыхъ школъ, антропологической и соціологической, съ ихъ преувеличеннымъ пристрастіемъ въ пользу натурализма, съ ихъ стремленіемъ выйти за юридическія границы, какъ не въ горячемъ желаніи пополнить пробѣлы, устранить недостатки, прійти на помощь слабымъ сторонамъ уголовнаго права? Но такъ

какъ преобразовательныя теченія нерѣдко выходятъ за предѣлы первоначальныхъ стремленій, то и новыя школы не избѣгли заблужденій и иллюзій, и предшествовавшей доктринѣ не было оказано достаточной пощады въ увлеченіи черезчуръ широкими горизонтами новой далеко незрѣлой, еще только возникающей науки — криминологіи. Она къ своей выгодѣ не надолго остановилась на шаткой концепціи пресловутаго «преступнаго типа»; всетаки придавая слишкомъ большое значеніе психологическимъ и физіологическимъ факторамъ преступленія, она чрезмѣрно увлекается болѣе или менѣе искусственною классификаціею преступниковъ, а съ объективной стороны преступленія, она прежде всего подчеркиваетъ антисоціальную опасность его. При этомъ новомъ направленіи явилась потребность и въ новой научной группировкѣ. Криминологія обнаружила стремленіе охватить въ одномъ общемъ кругѣ изученія и репрессію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и предупредительныя мѣры, и пенитенціарную систему, въ ущербъ необходимому раздѣленію этихъ различныхъ отраслей знанія. Mutatis mutandum снова возникла прежняя антитеза; передъ преступникомъ забывается

преступленіе, какъ забывается болѣзнь передъ больнымъ въ трансцедентальной медицинской школѣ... Въ односторонней заботливости о личности преступниковъ пытались выработать для различныхъ категорій ихъ рядъ исключительныхъ режимовъ, нерѣдко представляющихъ собою парадоксальную смѣсь суровости и гигіены, воспитанія и исправленія, милосердія и безнаказанности. Атмосфера уголовной науки затемнилась, и стало появляться странное отклоненіе отъ привычнаго распорядка ея. Велѣнія положительнаго права, соображенія общественной нравственности и спокойствія, требованія нарушенныхъ интересовъ не находили себѣ достаточнаго выраженія въ сужденіяхъ и спорахъ. Среди криминалистовъ возникло глубокое разномысліе въ области ихъ собственныхъ принциповъ, и они раздѣлились на враждебные лагери, вмѣсто того, чтобы объединить свои усилія въ борьбѣ противъ общаго врага—преступности. Было очевидно безполезно и вредно оставаться на неопредѣленное время въ такомъ печальномъ положеніи; недоразумѣнія, замѣшательства и раздоры грозили овладѣть всей этой научной отраслью, между тѣмъ какъ въ сущности каждая точка зрѣнія, каж-

дый методъ изученія имѣли свое разумное основаніе и всѣ они могли съ пользою соитись въ стремленіи къ высшей цѣли—торжеству непреложной справедливости и дѣйствительной защитѣ общества. Необходимъ былъ поворотъ, чувствовалась потребность въ сближеніи, синтезѣ, нужно было возстановить равновѣсіе между различными воззрѣніями на преступность,—и Союзъ уголовнаго права начерталъ девизъ согласія на своемъ знамени примиренія. Доступный всякому истинно научному теченію, не-партійный и потому сговорчивый и эклектическій, онъ стоитъ выше враждующихъ школъ, потому что онъ обнимаетъ ихъ всѣ, принимая отъ каждой то, что въ ней есть убѣдительнаго и доказаннаго. Подобное единеніе выдающихся и уравновѣшенныхъ умовъ и хорошо направленныхъ стремленій не могло остаться безслѣднымъ и безплоднымъ въ ожесточенной борьбѣ, которую непрестанно ведутъ государства и народы съ возставшими противъ закона. Viribus unitis эта борьба не можетъ не оказаться въ концѣ концовъ побѣдоносною для той единственной на землѣ силы, которой не пошатнуть ни предвзятыя мысли, ни слѣпые предразсудки, ни упорныя разногласія—для лучезарнаго свѣта истины!....

Вотъ, господа, что составляетъ главную заслугу вашего свободнаго и добровольнаго союза и что ему обезпечиваетъ, вмѣстѣ съ поддержкою правительствъ, возможность спокойной работы и надежду на успѣхъ. Я вовсе не имѣю въ виду дать историческій обзоръ раціональнаго развитія ученій уголовной науки, одинъ изъ знаменательныхъ періодовъ которой, безъ сомнѣнія, будетъ современемъ носить имя вашего Союза. И съ большимъ смущеніемъ я замѣчаю, что мнѣ пора кончить, дабы не утомить вашего любезнаго вниманія размышленіями, которыя не научатъ васъ ничему особенно новому на вашемъ пути къ намѣченной цѣли. Но я призналъ умѣстнымъ на самомъ рубежѣ этого собранія указать, основанный на твердой и ясной увѣренности, отвѣтъ на какіе либо вопросы, порожденные недовѣрчивостью или неблагожелательствомъ, которыя иногда, даже въ безмятежной области научной работы, возбуждаетъ къ себѣ молодое начинаніе, особенно дѣло новое, смѣлое и оригинальное..... Въ своихъ усиліяхъ добраться до самыхъ источниковъ преступленія и наказанія, ваши предшественники оставили вамъ обширное уже распаханное поле; воздѣлывая его нивы, вы сѣете доброе

сѣмя, которое обогатитъ сокровищницу человѣческихъ знаній и уготовитъ нашимъ преемникамъ обильную жатву, а нашимъ дѣтямъ, нашему отдаленному потомству—лучшее будущее!

Принято утверждать, что наука не имѣетъ отечества и что ученые принадлежатъ всѣмъ странамъ, которыя въ состояніи ихъ породить и оцѣнить. Съ точки зрѣнія роста и распространенія идей, съ точки зрѣнія научнаго братства немногое можно было бы возразить противъ этого положенія, и, разумѣется, вашъ Союзъ является и долженъ являться дѣйствительно *международнымъ* въ самомъ точномъ значеніи этого выразительнаго слова. Во всѣхъ странахъ съ высокою духовною культурою на репрессивный механизмъ смотрятъ почти одинаково и повсюду основныя нормы и общія очертанія уголовнаго права почти тождественны. Но практическое примѣненіе ихъ видоизмѣняется и различается сообразно съ мѣстными условіями, и вотъ эти-то видоизмѣненія, эти различія, наконецъ эта эластичность, эта поразительная приспособляемость къ мѣсту и времени и составляютъ то, что имѣетъ особенную цѣнность въ духовномъ общеніи между націями. Правильное сообщеніе, постоянный обмѣнъ научныхъ пріі-

обрѣтеній могутъ быть производительными только при условіи благоговѣйнаго уваженія къ существеннымъ и дорогимъ каждой странѣ особенностямъ, только при сохраненіи ихъ нетронутыми. Вы признали основательность этого положенія, создавъ національную группировку Союза и, въ частности, нашу русскую группу, которая сегодня съ гордостью привѣтствуетъ у себя собратьевъ по Союзу. Неумѣстно было бы входить здѣсь въ оцѣнку значенія и дѣятельности нашей филіальной группы, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить, что ей довелось начать свою работу на благодарной почвѣ и въ моментъ особенно благопріятный. Уголовное право въ Россіи переживаетъ періодъ чрезвычайнаго и исключительнаго оживленія. Всѣ отрасли его являются предметомъ глубокаго изученія, либо коренныхъ реформъ. Мы находимся наканунѣ обнародованія новаго уголовнаго уложенія, въ Государственный Совѣтъ недавно внесенъ проектъ полнаго преобразованія уголовнаго судопроизводства, въ системѣ пенитенціарной произведены важныя измѣненія, изъ которыхъ достаточно указать на отмѣну ссылки въ Сибирь, на переходъ тюремнаго управленія въ вѣдѣніе Министерства

Юстиціи, на преобразованіе тюремнаго режима и, въ особенности, работъ заключенныхъ, на возникновеніе и развитіе исправительныхъ заведеній и патроната, на предпринимаемые подготовительные труды по изученію институтовъ условнаго осужденія, условнаго освобожденія и другихъ мѣропріятій того же рода. Обширность нашей территоріи, разнообразіе и многообразіе географическихъ и этнографическихъ условій, осложненія всякаго рода, неизбѣжныя при просвѣтительномъ и прогрессивномъ движеніи великаго народа и необъятной Имперіи — все это не можетъ не затруднять начатыхъ или намѣченныхъ реформъ и требуетъ чрезвычайнаго скопленія самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, данныхъ и изслѣдованій. Тѣмъ цѣннѣе для насъ компетентное участіе нашихъ западныхъ гостей въ разрѣшеніи сложныхъ и трудныхъ задачъ, которыя занимаютъ—я могъ бы сказать даже болѣе—возбуждаютъ и волнуютъ умы нашихъ криминалистовъ. Вотъ почему мы привѣтствуемъ въ васъ не только собратьевъ и друзей, но и желанныхъ сотрудниковъ, и мы хотимъ надѣяться, что ваше пребываніе въ нашей средѣ составитъ прекрасную страницу въ будущихъ лѣтописяхъ Союза. Духовныя и на-

учныя связи, однажды скрѣпленныя, уже не могутъ быть порываемы, становятся крѣпкими и нерасторжимыми. Воспользуемся же ихъ драгоцѣнными свойствами для совмѣстной работы въ мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ на пользу святаго дѣла правосуднаго искупленія преступленія и возможнаго возрожденія преступника!

Имѣю честь объявить IX-й Международный Конгрессъ криминалистовъ открытымъ и приглашаю г.г. членовъ этого Конгресса обратиться къ ихъ благотворнымъ занятіямъ.

II.

Je ne manquerai pas de soumettre à l'attention gracieuse de mon Auguste Maître l'allocution de votre président, et je tiens de tout mon coeur à l'honneur insigne de me faire auprès de Sa Majesté Impériale l'interprète fidèle des sentiments de gratitude, éprouvés par les membres du IX-me congrès international des criminalistes.

Quand au Ministre de la Justice personnellement, vous voudrez bien lui permettre,

puisqu'il parle devant vous pour la dernière fois, de vous remercier sincèrement pour votre trop indulgente complaisance envers lui et de vous adresser des félicitations chaleureuses sur le considérable travail accompli et sur les importants résultats obtenus par le présent congrès.

Dans les luttes courtoises d'un si vif intérêt, dont cette salle fut le théâtre, la vérité possible à la perception humaine se révélait tangible et lumineuse; elle jaillissait librement du choc des opinions, mûries au clair soleil de l'étude et de l'expérience. Et nous sommes encore — il me semble traduire l'impression générale — sous le charme de ces discussions à la forme brilliante, irréprochable, à l'envolée entraînante, qui nous a vraiment séduit et conquis, malgré toute la froideur juridique et septentrionale.....

Souffrant déjà de la séparation inévitable, nous ne voulons pas vous dire adieu — ce serait trop triste! — mais au revoir: — au revoir d'abord dans notre pays, si vous lui avez gardé un bon souvenir, au revoir au congrès suivant, à un nouveau conseil de guerre pacifique contre les crimes, cette guerre sans trève toujours plus proche de la victoire, au revoir enfin à une nouvelle montée de la science,

toujours plus loin. plus haut. vers les lueurs divines et fascinantes du progrès!!

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Я почту своимъ долгомъ представить на Всемилостивѣйшее благовоззрѣніе моего Августѣйшаго Монарха заявленіе вашего предсѣдателя; я крайне дорожу высокой честью явиться передъ Его Императорскимъ Величествомъ выразителемъ чувствъ благодарности, одушевляющихъ гг. членовъ IX Конгресса криминалистовъ.

Что же касается лично до Министра Юстиціи, то позвольте ему, такъ какъ онъ говоритъ передъ вами въ послѣдній разъ, искренно васъ поблагодарить за снисходительную любезность къ нему и принести вамъ сердечныя поздравленія по поводу исполненной вами значительной работы и важныхъ результатовъ, достигнутыхъ настоящимъ Конгрессомъ.

Во время тѣхъ интересныхъ чисто-рыцарскихъ споровъ, которые происходили въ этой

залѣ, истина, поскольку она доступна человѣческому сознанію, становилась яркой и осязательной; она свободно порождалась столкновеніемъ мнѣній, созрѣвъ подъ яснымъ солнцемъ научнаго изслѣдованія и опыта. И мы находимся еще—мнѣ кажется, что я передаю всеобщее впечатлѣніе—подъ обаяніемъ этихъ споровъ, облеченныхъ въ блестящую, безупречную форму съ захватывающимъ полетомъ, поистинѣ насъ покорявшимъ, несмотря на суровость, присущую юридическимъ дебатамъ—и притомъ въ обстановкѣ холоднаго сѣвера....

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ неизбѣжной разлуки намъ не хотѣлось бы вамъ сказать: прощайте—это было бы слишкомъ грустно!— Но до свиданія—до свиданія опять же въ нашей странѣ, если вы сохранили о ней хорошее воспоминаніе, до свиданія до слѣдующаго конгресса, до новаго совѣщанія въ мирной борьбѣ съ преступностью, въ неустанной борьбѣ, все болѣе и болѣе близкой къ побѣдѣ;—до свиданія, наконецъ, до новаго шествія науки, все дальше, все выше и ближе къ божественной и ослѣпительной зарѣ прогресса!

Академия Наук СССР